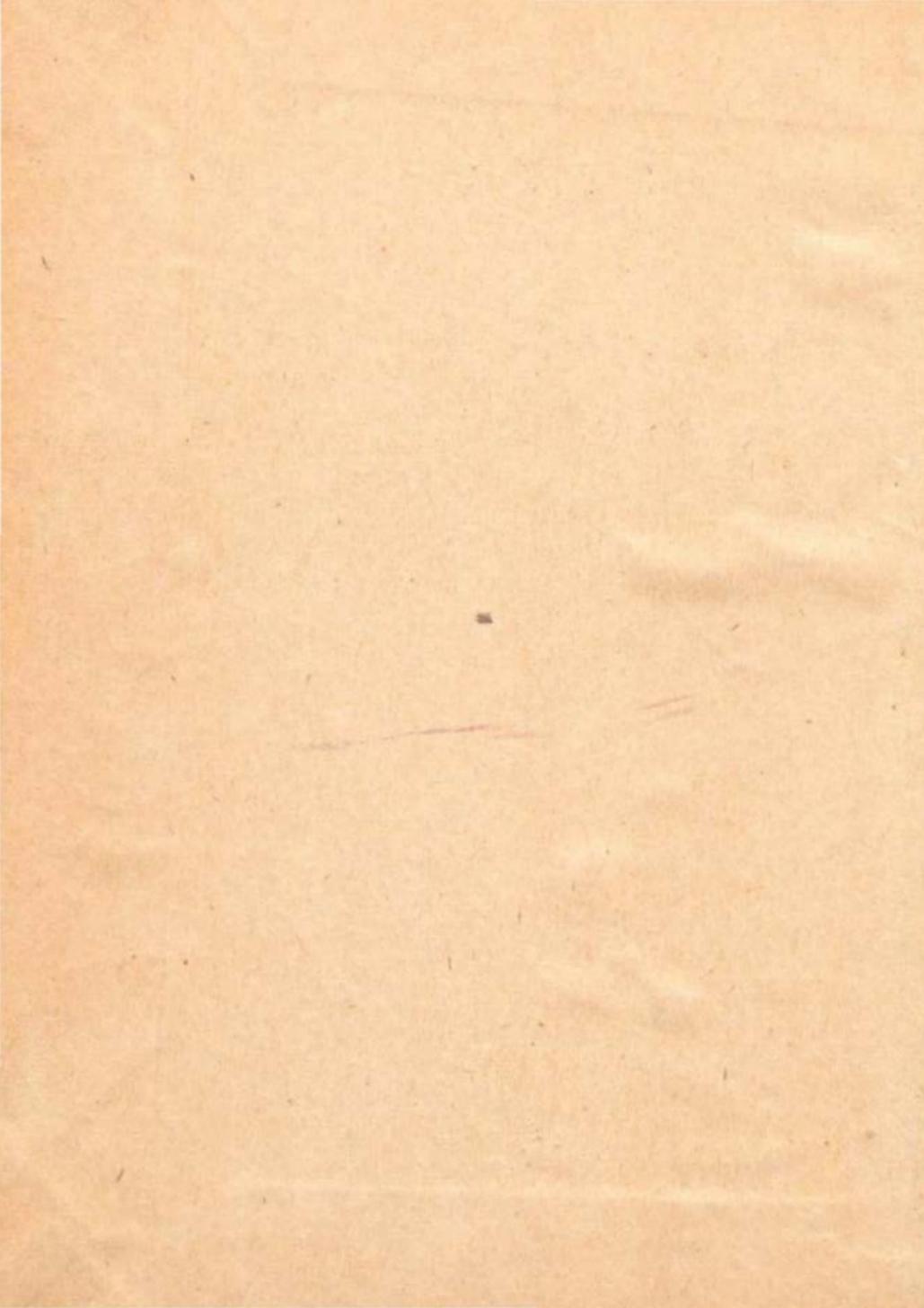
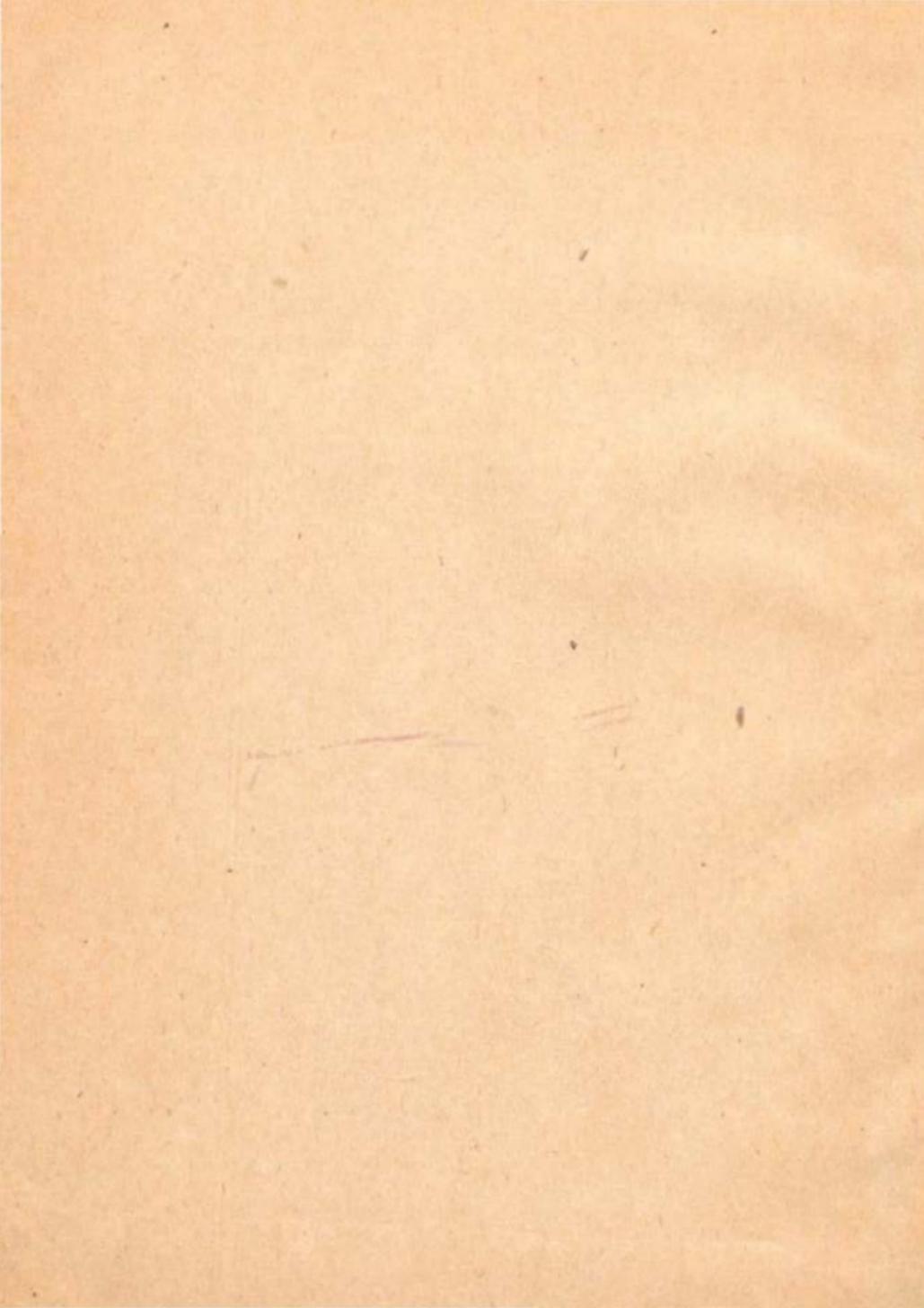

W $\frac{458}{47}$

-1-

БИБЛИОТЕКА РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

Л 34 W 458/47

БОРЬБА

Только
сама

С. Миллер

ПОСТРОИТ.

ЗА

нужную
ей

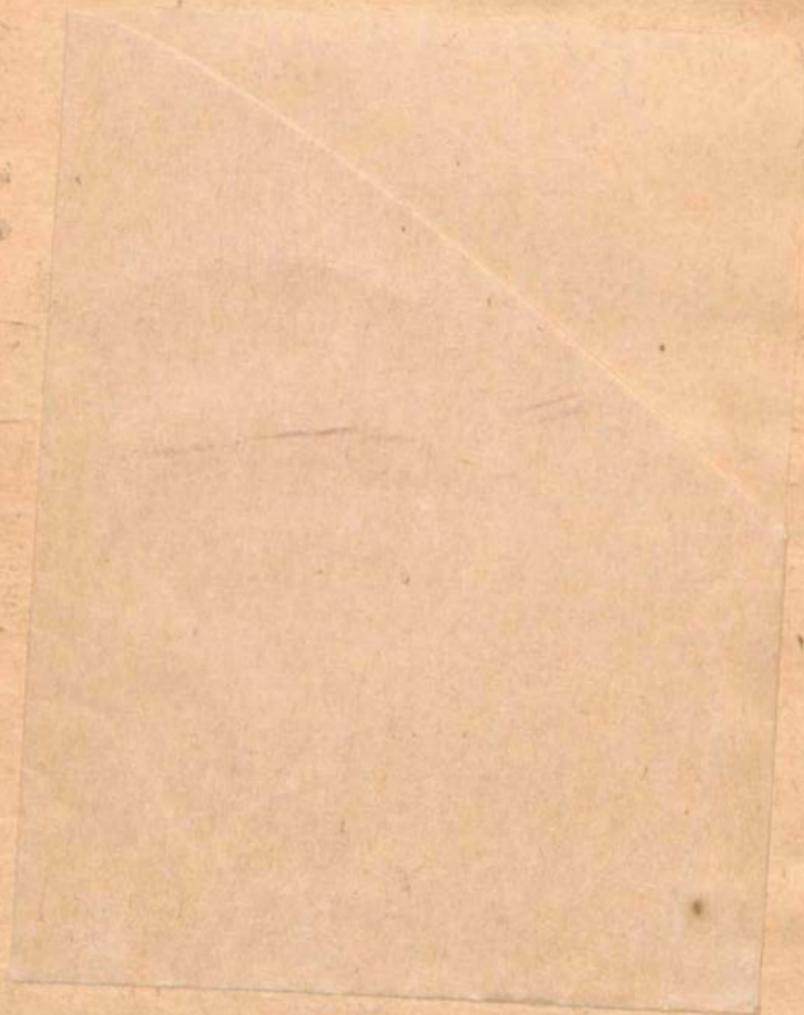

школу

ФАБЗАВУЧ

НОВАЯ МОСКВА. 1924

1131
7

БИБЛИОТЕКА РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
под общей редакцией М. К. Р. К. С. М.

39
142
БОРЬБА

ЗА

458
47
ФАБЗАВУЧ

ВЫПУСК I

КОМСОМОЛЬЦЫ

В ФАБЗАВУЧЕ

СБОРНИК

Составил В. СОРКИН

НОВАЯ МОСКВА

1924

К Н И Г А И М Е Е Т

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1955 г.
-------------------	--------	---------------------------------------	--------	------	----------	----------------	------------------------------	---------

7

627/16-250 тыс.

370
1129

под общей редакцией М. К. Р. С. М.

КОРРЕКТА

ФАБРИКА

ВЫПУСК 1

КОМПОЗИЦИЯ

ФАБРИКА

КОПИЯ

Тип им тов. Ворояского, при ОГПУ, Б. Лубянка, 18.

Главлит 8366.

Тираж 8000

Предисловие.

Выпуская этот сборник, мы поставили себе целью подытожить имеющийся опыт работы комсомольцев в фабзавуче и отчасти выявить причины, мешающие развитию их самостоятельности.

Спешность работы, связанная с предстоящими съездами РКСМ, послужила причиной того, что нами использована только небольшая часть имеющегося по школам материала.

Мы обращаемся ко всем работникам и учащимся фабзавуча с просьбой присылать весь имеющийся материал по вопросам, затронутым в сборнике (статьи, заметки, вырезки из стенных газет и т. п.) по адресу: Москва, Садово-Спасская, д. 12, ком. 32.

В. Соркину.

Предисловие

Впервые этот сборник был поставлен перед печатью. Подготовить материал для работы комиссии в первую очередь и отчасти ввиду незначительности количества работ представляется

Специальность работ, связанных с деятельностью ВАСМ, поставила принцип, что это не только научная работа, но и практическая работа, связанная с деятельностью ВАСМ.

Мы благодарим всех работников и ученых, которые с помощью писем, все исполнили в том, что касается выполнения в сборнике статей, и особенно тех, кто не только

Москва, Издательство ВАСМ, 1952 г.

В. Сорокин

С. Биоз.

* * *

У НАС МНОГИЕ ЗАГОВОРИЛИ о необходимости педагогических знаний и многие культурой педагогики «ослиных ушей» заразились. Давай рассусоливать: «подход», «воспитание» и проч. Тут же сразу реакция развелась: «не нужно педагогики, грош ей цена». А суть в том, что наши лучшие и нелучшие работники-партийцы по воспитательной работе с молодежью за пять лет ни разу дня с молодежью не провели и, сидя в Пролеткультах, Наркомпросах, Соцвосах, проводя там ультра-марксистскую линию, думают, что они новые педагоги. А вот тут-то и ошибка, тут-то и получается, что вы—революционные и даже сверх-революционные работники и даже в «Капитале» сумеете касательно вопросов воспитания дополнение сделать, а нам не годитесь.

А мы в педагогике ни бельмеса не смыслим.

А предпосылки новой педагогики для рабочей молодежи—у нас. Но у старой педагогики нам многому поучиться и многое перенять надо. Вот от нас и зависит, создадим мы или нет новую педагогику. Мы права и преимущества создавать получили, возможность тоже, надо только делать.

*) Отрывок из неопубликованной статьи т. Биоза (1898—1923), одного из первых строителей фабзавуча.

Ведь это невиданное для западной страны положение, когда взрослые поручают серьезное и ответственное дело воспитания и образования — самой молодежи, — и российское движение должно себя оправдать.

Сумеет ли мы, активные работники, создать новую школу, лозунг которой выбросили, сумеем ли мы творить новую педагогику, — или мы ничего не сумеем, и дело придется передать прекрасным людям из прекрасных учреждений.

Вот основной вопрос, и в это надо вдуматься, тут надо работать, тут надо концентрировать внимание. А мы теперь работу «по серьезному» ставим, взрослых приглашаем. Надо себе сказать: *это только половина работы; главное и основное в этой работе — комсомольский аккумулятор поставить, и сильный и надежный, и из этого аккумулятора во все клеточки проводники провести.*

Я. Ильин.

КАК МЫ БОРОЛИСЬ ЗА ШКОЛУ.

(Школа фабзавуча при э-де „Красная Пресня“).

Активисты „поневоле“.

ХОТЕЛИ МЫ ИЛИ НЕ ХОТЕЛИ — сама жизнь заставила нас быть активными.

Первые «медовые» месяцы школы — мы помещались в комнатухе при конторе, получая по пол-разряда на брата, неумевя еще даже пищать своим голосом на школьном совете (вообще жаловаться на то, что ребята тихони, не приходится, скорее — наоборот).

Ребята слабо представляли, как они могут участвовать в работе школы. Они вполне полагались на педагогов и инструкторов. «Наша хата с краю, зачем задаром работать, за нас другие сделают, за нас другие обмозгуют», — вот что думал про себя каждый парень. Так могло бы продолжаться все время (как и сейчас в некоторых школах) если бы был хороший заведующий, который подобрал бы хороших педагогов и инструкторов, оборудовал бы мастерские и классы, словом — если бы все шло «как следует». Вышло бы то же, что и в Ц. Д. КВРМ. Ребята там говорят: «Наше

дело только техническое — кушать и учиться, а остальное за нас сделают активисты из МК». Ребята наши вовсе не собирались быть активными, и если бы им кто сказал, что они сменят нескольких заведующих и педагогов, или осмелятся быть вовсе без зава — они просто не поверили бы. То что в других школах (например, завод «ВЭК») подобрались хорошие заведующие, — воспитывало в ребятах чувство, что и без их участия школа обойдется. Так как у нас такого не случилось, т.-е. хорошего заведующего не было, то нам поневоле пришлось взяться самим и пересмотреть тех, кто за нас мозговал и работал.

Нечего врать, что в один прекрасный день все фабзайцы стали активными. Пока мы доросли до того, чтобы обсуждать наше положение (а решать мы даже еще и не помышляли) прошло не мало времени и многое изменилось. Для этого надо было, чтобы более активные ребята организовались через РКСМ, для этого надобно было, чтобы ребята между собой хорошенько перезнакомились, свыклись с заводскими организациями, с рабочими, укрепились бы в производстве, пощупали хоть немного свои силы, сначала на мелочах — на разрядах или на неправильной выдаче учебных пособий и т. д.

Пока не осмотрелись — боялись, — для нас заведующий был всем.

Ячейка, хоть и существовала с 1918 г., но часто распадалась и была слаба. Пока часть ребят выросла (только часть, а не все) понадобилось не мало достижений и школы, и ячейки.

Таков был наш путь—активистов «поневоле»—до тех пор, пока мы не взяли за «ревизию» наших «главков», которые за нас мозговали, решали, переводили из разряда в разряд, из класса в класс, которые руководили школой и ребятами.

Очухались.

МЫ ЧУВСТВОВАЛИ, что с нами не считаются, что на нас смотрят только как на ребяташек, которые могут побаловать или похулиганить, которых нужно держать в ежовых рукавицах и которых нужно отечески наставлять. Порядки наши мало чем отличались от порядков школ I-й и II-й ст. Жалованье нам давали в последнюю очередь, после всех рабочих, нередко запаздывали на 2—3 дня; спец-одежду не выдавали; инструментов не было; учебную работу не давали и т. д.

Как-то мы чего-то потребовали. Зав. нам вежливо ответил:

— Не ваше дело, без вас обойдется.

Смолчали.

Потребовали большего представительства в школьном совете: двоих от школы (по одному от класса) и одного от ячейки РКСМ, (до того был всего один от молодежи). Нас на школьном совете провалили, а потом месяца с два спрашивали инструкцию из МОНО. Тогда мы без зава стали проводить свои требования сами. Махнули к директору. Добились распоряжения выдавать фабзайцам, как и всем рабочим, мыло, полотенца и жалованье в срок. Кроме того мы добились

повышения разрядов 11-ти ученикам (до тех пор все ребята получали целый год по первому разряду)

Мы немного окрепли. Начали приглядываться лучше к тому, что делается вокруг нас. Почувствовали, что в школе что-то «не-тае» (мы до сих пор искренно думали, что у нас великолепная школа, что все идет как следует, а если и есть недостатки, то без них уж никакой школе не обойтись). Но раз мы почувствовали, что что-то «не-тае», — давай расследуем дело. Поставили на ячейке вопрос о смене заведующего школой. Ребята сначала боялись, воздерживались, под конец согласились.

Начали действовать.

СТАВИМ ВОПРОС НА СОБРАНИИ ячейки РКП. Директор — против, завком — ни туда, ни сюда (но как будто тоже против), рабочие — часть за нас, часть против. В первый раз с треском провалились.

Зав., педагоги и инструктора узнали, и — началась, с одной стороны, травля «зачинщиков», т.-е. более активных ребят, с другой, увещевание и запугивание более слабых, боявшихся исключения из школы.

На ближайшем, как всегда закрытом, школьном совете ставится вопрос об этой «бузе». Все педагоги и инструктора возмущались несознательностью ребят, не ценящих «заслуги» «великих людей школы», которые «почти задаром» работают только из любви к

ребятам,—и прочие романсы в таком же роде. «Спаситель» школы (он же зав. школой и инженер завода, получающий два раза по 16-му разряду) заявляет, что тут запятнана его честь. Один находчивый инструктор предлагает исключить самого «бузотера» для успокоения чести и совести как заведующего, так и всего школьного совета. Проголосовали прекрасную резолюцию, в которой указывалось, что только этот заведующий может спасти школу от развала, который всячески стараются навести некоторые ребята и т. д. Школьный совет голосовал единогласно (он на три четверти состоял из конторских служащих завода, сослуживцев и подчиненных по заводу техническому инженеру,—он же зав. школой). Представитель завкома воздержался. Единственный представитель учеников голосовал против.

Тут мы уже совершенно очухались и пошли в открытый бой.

На бой за школу.

ЛЕТО 23 ГОДА, тяжелое для нашей промышленности.

О нашем заводе уже не слухи распускают, а в газете печатают, что закроют. Не до школы нашим заводским организациям. Целые дни директор, предзавком и секретарь ком'ячейки гоняются по трестам, синдикатам, наркоматам и т. д. в погоне за заказами, чтобы спасти завод. В школе же часть ребят натравили на нас, «бузотеров»; некоторые просто говорили:

— Ничего у нас не выйдет... где уж нам с ними тягаться... давай, оставим этого зава... все равно завод скоро закроют... да, где уж нам...

Где-то далеко, внутри у каждого парня и даже у самых «глотов» (так ребята окрестили много-орущих), шаталось сомнение: «Что будет со школой, если завод капут?..»

Скоро отпуск. В отпуск шли почти с уверенностью, что вернемся целовать замок, что завод закроют. Унынье свило прочное гнездо на заводе, в особенности среди стариков. О нас уже не думали, нас не слушали, да и мы сами как-будто голоса потеряли.

Так тянулось два или три месяца.

Не в моготу стало лучшим ребятам глядеть, как все в школе—по старому, и духа в ней живого нет. Отдельные ребята стали подымать голову:

Закроют—не закроют, а сидеть поджавши хвост, как побитые щенята, тоже не дело. Давай, ребята, продолжать то, за что взялись, давай снимать зав. школой. Ведь он ни к чорту не годится.

На нас «цыкали» и завком, и директор, и даже рабочие. Часть ребят пошла против нас. Но организовавшееся ядро очухавшихся ребят, стояло твердо на своем, не отступая ни на шаг. Третий и четвертый раз поставили вопрос на ячейке РКП. Три раза директор выступал против нас:

Говорю, что сейчас не время, лучшего мы не найдем и т. д.

— Но секретарь ячейки и вся ячейка нас поддержали.

Теперь—следующая стычка на нашем же собрании учеников.

Зав. школой, „авторитет“ и собрание учеников.

КЛАСС, ГДЕ СОБРАЛИСЬ РЕБЯТА на собрание, был рядом с конторой завода. Сбоку была небольшая застекленная дверь, через которую было видно только половину класса.

На собрание пришел директор. После информации о ходе дела, несмотря на постановление ячейки РКП, директор опять высказал свое особое мнение о смене зав. школой. Ребята, известно, разбузились: боязнь смен, положение завода, авторитет директора, привычка к заву, — одно дополняло другое. Но ядро стояло крепко. За ним увязались самые «сорви — головы», которым мало чего терять. Начали голосовать. Тут-то и пригодилась конторская дверь. За ней стоял зав. Он видел пол-класса, и пол-класса видели его. Некоторые ребята перешли на другую сторону, чтобы голосовать против зава. Наоборот, те, которые стояли за него, увидев его, осмелели и начали победоносно орать. Директор улыбался.

— Голосую!—орет наш вспотевший, волнующийся председатель.

— Считай, считай!

Считаем, еле переводя дух.

— 16 за снятие, 15 против, — объявляет председатель.

— Неверно! врешь! переголосовать! к чорту! переголосовать! переголосовать! заорали со всех сторон.

Взбешенные, делаем еще одну атаку на директора. Тут тебе и «неподчинение парт-дисциплине», и «хозяйственники оторвались от масс» и т. д. Подействовало. Директор заколебался, и внес предложение провести резолюцию ячейки РКП. Со стороны, откуда видно стеклянную дверь и за ней зава, перешло еще несколько человек на другую сторону.

— Голосую вторично, — орет охрипший председатель. Считает он и директор. Тишина.

— 21 и 10.

— Собрание учеников школы постановило просить МОНО и райком РКСМ заменить этого зава новым, желательно коммунистом, — читает председатель резолюцию.

Первая крупная победа сблизила ребят и еще лучше укрепила ядро, поголовно комсомольское. Правда, это было очень неосмотрительно — скинуть зава, а потом надеяться на МОНО и МК и ждать от них помощи. Надо было заранее подготовить заместителя. Но на ошибках ведь учатся.

Чехарда заведующих.

С ЭТОГО ВРЕМЕНИ почти каждый день стали к нам ходить на завод кандидаты в завы.

«Сколько их, куда их гонят, что носы так вверх дерут», — вот как можно назвать эту чехарду моновских завов.

Хорошо, что в это время был отпуск, да и вообще мало о нас думали, а то вовсе бы загрызли. И так доставалось порядочно. Всех возрастов и полов, всех профессий и специальностей — было это наводнение кандидатов в заведующие. Если бы мы были немного поумнее, то наверное на воротах вывесили бы объявление:

Всем посторонним, и в особенности кандидатам в заведующие школой— вход в завод строго воспрещается.

К сожалению, мы этого не сделали, и следствием этой проклятой чехарды было то, что наши «главки», чтобы прекратить это моновское наводнение, остановились в выборе, кажется, на 30-й кандидатуре, показавшейся им приличной рожей, с длинным инженерским дипломом и жалобной рекомендацией, измученного нами заведующего ОШРП Моспрофобра.

Так к нам попал новый зав., который вошел в историю нашей школы под названием: «Мурмын».

М у р м ы н.

ЗА ОТПУСК НАШИ «ГЛАВКИ» из сил выбились, но достали для завода заказы. Завод отстояли. У директора стало времени больше и он сделался пом. зав. школой (несмотря на все свои грехи, он нам, правда, по своему, но желал добра).

В это время мы, с помощью директора, взялись за оборудование учебно-механической мастерской. Со

всех концов цеха волочили и устанавливали станки, сами их ремонтировали. Старые ржавые тиски отбирались где-то под горами железа, возле склада. С любовью устанавливали новые верстаки. Инструктор мастерской по-товарищески нам во всем помогал.

Нам казалось, что все идет к лучшему. Толковали об увеличении школы, чуть не в три раза. Должны были перейти из комнаты при конторе и избушки на курьих ножках, где помещался первый класс, в помещение из 4-х обособленных комнат.

Все, казалось, шло, как по маслу, но, ведь, беда, если не в дверь, то уж в окно обязательно влезет. Надо было к нам попасть в заведующие какой-то «шляпе», знающей рабочую молодежь столько же, сколько мы китайскую грамоту.

На третий день его пребывания, его окрестили «Мурмыном» (он мурлыкал себе под нос, закатывал глаза, стараясь говорить отчетливее, т. к. заикался). Ребята сразу с ним не сжились, и, помня первую победу, начали требовать его снятия. На фабзавуч все стали коситься. Вдобавок ко всему ребята при новом заве здорово распустились.

Положение обострилось и ухудшилось довольно резко.

Заводские организации решили поддержать «Мурмына», не видя другого исхода.

Нечего, говорить, как тыкали нам в глаза этим завоом, похваливая старого. «Главкам» отступать было некуда. Надо было или вышибать «Мурмына», или усмирить ребят. Решено было взять школу в еже-

вые рукавицы. Особенно был ретив директор (он же пом. зав. школой). Меры были чисто жандармские, но тут уже не часть, а все ребята держались как один.

Ядро «глотов» выросло, за ним пошли все.

Новая воспитательная система, парикмахер, ворота и „чтобы в струнку“.

В СЕ РЕБЯТА ВЫСТРОЕНЫ В ЦЕПЬ. Перед ней гордо ходит директор.

— Каждый третий выходит. Книги и тетради под мышку и за ворота — командует директор.

Ребята мнутя, не понимают в чем дело.

Директорская речь десять минут. Несколько заплаканных рож перед цепью — и... улыбающийся, довольный директор, заканчивает свою воспитательную систему предупреждением, что пока это «так», а если они не будут слушаться нового зава, то его директорское слово, что он исключит каждого третьего.

Следующий подвиг: нанимается парикмахер за счет школы, и всех ребят, как баранов, насильно остригли. (Директор плешивый, так всех под его лад).

Еще один подвиг: приказ по школе: «Руки в карманах не держать, с учителями говорить в струнку вытянувшись».

Никогда не забывай, что ты ученик. Помни, что гусь свинье не товарищ, а педагог ученику не сват, и потому—твое дело учиться, а педагога—учить и управлять.

От такой мудрой системы воспитания все, как один

взвыли. Но взвыли не только ученики, но и педагоги. Мурмын же, поддерживаемый директором, решил диктовать.

Какое дело ученикам до учебной работы. Школьный совет в единственном числе.

ТАК КАК в школ. совет входят люди не совсем разбирающиеся в вопросах обучения, как ученики, представители завкома, инструктора и т. д., предлагаю особо организовать педагогический совет только из педагогов — лепечет на школьном совете Мурмын.

— А ученикам разве не интересно, чему их учить будут? — раздается вопрос.

— Какое дело ученикам до учебной программы, планов и т. д.? Ваше дело учиться, а наше дело учить. Что у нас может быть общего? Разве вам недостаточно? — ведь вы всюду: у вас учком есть, ячейка, наконец, представитель в школ. совет. Куда вы лезете, что вам еще нужно? Дайте нам хоть в одном месте побыть самим, чтоб поработать.

Мурмын выбивался из сил, доказывая. Педагоги впервые с нами. Голосуют за нас. Он один, но он не унывает.

— Я завшколой и проведу то, что считаю нужным! Я не буду плыть по течению! Ваши голоса только совещательные!

Поистине смешно и возмутительно, когда лягушка хочет раздуться в вола, а Мурмышка строит из себя диктатора!

— Нам здесь делать нечего, — и комсомольская фракция: два ученика, преподаватель обществоведения и секретарь РКСМ — уходят. Минут через пять нас догоняют все педагоги и инструктора, которые ушли вслед за нами с школсовета. Заседание школьного совета продолжалось в единственном числе, т. е. остался один Мурмышка.

На следующий день половина педагогов подала заявления об уходе. Директор сам не вытерпел и поругался с Мурмыном. Но заменить не кем, ведь на Моно и на МК надеяться не приходится.

Школа дыбом.

С. С. С. Р. ТЕЛЕФОНОГРАММА МАШИНОТРЕСТА.

М. С. Н. Х. Директору завода
МАШИНОТРЕСТ „Красная Пресня“

Отд Во исполнение при-
каза МСНХ о снижении
расходов на школы ФЗУ
№ до 1% с 1-гос /м., про-
изводившаяся до сих
пор доплата на школы
фабзауча вашего за-
вода, прекращается,

Председатель Треста (подпись).

Управделами (подпись).

Резолюция директора завода: сократить школу с 50 до 24 чел., т. е. до нормального процента брони, полагающейся нашему заводу. Об исполнении донести.

Пришла беда—растворять ворота. Полная расхлябанность учеников и преподавателей. Мурмышка, приказ МСНХ,—сам черт ногу сломит! Что делать? Как быть? Прогнать Мурмына,—а дальше? Закрывать школу? Ведь на 24 человека не держать 12 педагогов и инструкторов? А других ребят куда? Рабочие косятся. Завком ругается. Ребята махнули на все рукой и расхулиганничались во всю. Что делать, как быть? Школа, ребята, достижения ячейки, все вверх тормашками, все дыбом!

Ревсовет школы. Бой за школу.

ЛУЧШЕ ВСЕГО об этом времени могут рассказать наши подметки. После того, как единогласно вышибли Мурмына, во главе школы стало бюро ячейки РКСМ (оно на три четверти состояло тогда из фабзайцев) и секретарь ячейки РКП. Директора назначили завом, чтобы на его имя для школы получать деньги, от работы же он совершенно отшелся и даже не мешал.

«Ревсовет школы» (как нас в шутку прозвали) взял быка за рога. Трест ли, МК ли, Райком, Моно,—вряд ли осталась хоть одна половица этих учреждений нами не обшарканная. Сначала нам обещали, потом, когда надоели, просили уйти. Но мы не унывали и при-

ходили и в третий, и в пятый, и десятый раз. Мало толку, хотя резолюциями мы могли бы обслужить уборные всей Москвы. Все же добились, отстояли.

Так, без завов и помов, сами отстояли мы свою школу и тогда только почувствовали, что для нас значит школа ФЗУ и как она нам необходима.

Отстояли, но бой за школу нас кое-чему научил. Авторитет ячейки РКМ вырос в несколько раз. 75% ребят вступило в ячейку. Ничего не оставалось делать, как нам самим стать фактическими завами, хотя вверху «для формы» числились разные люди.

Пять месяцев без заведующего.

НАЛАДИТЬ совершенно расшатанную дисциплину, заинтересовать ребят учебой после полугода разгильдяйства — дело не легкое, в особенности для таких «спецов», как мы. Надо было оставить в школе и отобрать лучших ребят, потому что мы великолепно знали за чей счет мы остались жить. Трест давал только часть денег, а остальное шло за счет шеи рабочих нашего завода. Мы не побоялись сами исключить 8 худших ребят, несмотря на все нарекания со стороны.

Как подойти к педагогам? Что делать в мастерских? Вопросы стали перед нами ребром. Мы повзрослели сразу, мы почувствовали громадную ответственность за школу. Нам приходилось созывать школьные советы, толковать с педагогами и инструкторами. Это тоже было хорошей «школой» для нас: мы увидели на-

стоящее лицо школы не в шуме торжественных вечеров, разных шефств, выставок и т. д. а на деле.

И первое, что мы увидели—это то, что наше производственное обучение во власти случайных заказов.

Во власти случайных заказов.

ЗАКАЗЫ управляют производственным обучением:

а) месяцами точили гайки, подрезали тысячи колец, заклепки, ролики и т. д.

б) в стержневой 10 месяцев вертели солому. «Разлука, ты разлука»,—говорили ребята про свое обучение в стержневой, так как вертели солому, как шарманку;

в) опиливали планки, расколачивали ножки для кроватей—это в строевой;

г) делали ручки без счета, красили модели и т. д.—это в модельной.

Так продолжалось изо дня в день. На станках, которым давно пора на свалке быть, без всякого измерительного и почти без простого инструмента, на разной ерундовой работе обучались ребята. «От дедов к сыновьям, от заказов к заказам, передалось по наследству такое обучение», все нас ласково утешали,—«против рожна не попрешь, когда-нибудь да выучатся, моло-ли времени впереди»...

Заказы управляли нашим обучением без всякой системы.

От гаек к заклепкам, от заклепок к гайкам и ро-

ликам—так протекло наше обучение. Учета не было, да и что учитывать, когда нечему учиться. Правда, есть у мастеров 2—3 любимчика,—они-то учились на хорошей работе, но ведь это исключение.

Во власти случайных заказов: что может звучать подлей для ребят, которые начинают понимать, что вся наша сила в организованности и системе. Что делать?—а тут еще пригляделись к обучению в классах.

Четырехчасовая поденная скука.

МЫ НЕ ЗНАЛИ чему нас будут учить завтра, но чувствовали, что сегодня нас учат в достаточной мере плохо. Педагоги совершенно не думали, что они преподают живым людям, что у ребят бывают свои мнения по разным вопросам—они считали вполне достаточным и правильным отзвонить два или три часа на уроках и—«до свидания». Ребята же не совсем точно могли определить, чем они недовольны...

(«Молодой Ленинец» № 27, за 1924 г., статья «Самое главное», корреспондентов школы ФЗУ «Красная Пресня»).

Вот что писали наши ребята о таком преподавании.

А вот, что пишет другой ученик, Диньков, по этому же поводу в стенную газету:

Из-за нескольких более слабых учеников преподаватель задерживает обучение всех ребят. Надо найти какой-нибудь выход из такого положения, при котором более успевающие ученики хлопают ушами и поджидают отстающих.

(Стенгазета ФЗУ «Смена»).

Ребята видят, что в классах скучно, что обучение неправильно и поэтому все считали самым лучшим убежать из школы на производство, где выгоднее ма-

териально, и не будет этой четырехчасовой ежедневной скуки-муки.

А тут что делать? Сесть в галошу и петь Лазаря? Мы чувствуем, что как будто «запарились». Но, не поутру нам выть на луну, вздыхать и плакать.

Надо сблизиться с педагогами и инструкторами, заинтересовать их школой и вместе с ними выработать программу обучения. Надо дооборудовать школу. Достать инструментов и учебных пособий, платить мастерам за обучение ребят в цехах. Да мало-ли чего надо?.. Все эти «надо» бродили неоформленные по нашим головам целыми стадами, а мы разбрасывались на тысячи мелочей (достать тетради, разряды, лампочки спрятать и т. д.), пока не поняли одного,—что первое, и самое главное, надо—не работать отдельно двумя мирками—одни педагоги, а другие ученики необходимо совместно прорабатывать все вопросы школьной жизни, необходимо вместе с педагогами и инструкторами бороться за лучшее обучение и в классах и в мастерских—иначе ни черта не выйдет и школа будет оставаться полумертвым делом.

Ребята к этому времени здорово окрепли. У нас в школе завелось около 8—9 рабкоров, не считая местных стенгазетчиков. Но не все педагоги этого хотели. Надо было немного прочистить школьный совет и педагогов. В этом нам много помог новый завшколой (до него мы были без зава вовсе) секретарь комячейки тов. Козлов. Всю тяжесть приходилось выносить на плечах группе наиболее активных ребят, но эта помощь укрепила и здорово помогала ребятам.

Снова в роли вышибал.

НЕ НАДОЛГО мы забыли свою старую вышибальскую роль. Была у нас учительница русского языка — и много говорили, и почти коммунистка, и читала пролетарских поэтов — в общем от нее у ребят стал такой непоэтический понос, что даже писать нельзя. Невмоготу стало ребятам. Забыли, как писать, а по 20 уроков твердили какое-то несчастное стихотворение поэта Герасимова (если бы тот знал, сколько прекрасных матерных благословений получал он во время уроков от учеников, он, наверно, не поблагодарил бы таких усердных поклонников). Все как один, ребята категорически поставили вопрос о смене учительницы русского языка. Немного попоздней сделали то же относительно преподавателя рисования. Теперь опять, кажется, принимают меры по отношению к преподавателю техники.

Так, по немногу подбирается состав педагогов и инструкторов, которые могут нам давать знания и которые хотят с нами работать.

Плечом к плечу с теми, кто нам помогает.

(Совместное управление).

ВОТ ЧТО ПИШУТ про это наши корреспонденты в «Молодой Ленин» в своей статье «Самое главное»:

В начале февраля был поставлен на собрании учеников доклад о нашем производственном обучении. После доклада выступило около 20 человек с

разными практическими предложениями. Обоуждение программы обучения до того заинтересовало ребят, что они даже не коснулись вопроса о зарплате. Программу дополнили, изменили, приспособили к теперешним условиям школы. Еще несколько таких собраний и педагоги сами почувствовали, как говорил помзавшкшлой инженер Иванов: «Я не ожидал такого серьезного отношения и столькох практических предложений от ребят». Для них это было неожиданностью—для нас первой пробой сил в разборе обучения в школе. Педагоги почувствовали, что от того, что они с нами посоветуются и программа становится лучше и ребята более заинтересованы обучением. Мы фактически, пришли к тому, что надо бороться за то, чтобы в нашей школе ученики совместно с педагогами прорабатывали все вопросы и вместе руководили школой... **Только при совместном управлении мы добьемся самого главного, что школа будет в наших руках, будет выпускать кого нужно—квалифицированных рабочих коммунистов.**

Вот это и есть самое главное,—ребята нашли верный путь, сумели объединить и себя и педагогов на такой совместной работе. Следующим шагом развития нашего самоуправления—были совместные школьные советы.

Совместные школьные советы.

КОГДА - ТО МЫ ДОБИВАЛИСЬ, чтобы вместо одного представителя в школьный совет, мы имели трех. Добились, но все же толку мало было потому, что «они» решали, говорили, а мы слушали и голосовали.

Мы призадумались—говорим: «совместное управление», а на деле мы собираемся на собрания отдель-

но, а педагоги и инструктора отдельно. А что, если нам бы собраться вместе и устраивать постоянные совместные школьные советы?

У нас самих дух захватило от такой мысли. Сговорились с заведующим школой (секретарем комячейки). Он согласился. Поставили самый волнующий вопрос: доклады инструкторов о своих мастерских и доклады наших цеховых старост. Мы не ожидали таких результатов. На каком собрании ребята после работы сидели бы от 5½ до 10 часов? На каком собрании они чувствовали бы так ответственность за свои слова? Прямо не узнать ребят—такое серьезное отношение к вопросу, к голосованию (все одинаково пользуются правом решающего голоса).

Это первое совместное собрание дало очень много—оно проверило весь наш подход и доказало, что он совершенно правилен. Школа зашевелилась, ожила,—начали вылупливаться какие-то новые формы преподавания, новые формы обучения.

„Воскресшие“ уроки.

САМЫЕ СКУЧНЫЕ, самые, как будто ненужные уроки у ребят считались: русский язык и обществоведение. Политграмота преподавалась как-то очень обще, без всякой связи с текущей жизнью. Ребята слушали лекции, иногда отвечали на вопросы и, в общем, мало понимали. Изучение же пролетарских поэтов (как преподавался до тех пор русский язык) внушило им

определенную ненависть, как вообще к русскому языку, так и, в частности, к пролетарским поэтам.

— Раньше—говорит один наш парень—мы знали, что политграмота, как закон божий в старое время, а где-то там отдельно завод и станок. А теперь мне вот надо было сделать доклад на тему: «наш завод». Я как-будто прозрел, у меня и увязалось все вместе, все равно, как видишь отдельно станину, шестеренки, гайки и ключи, а соберешь все вместе—целый, шикарный станок. Видал я станки, тиски, опоки в литейной, верстаки, видал чертежи и совсем готовые машины, торфяные пресса, насосы, турбины, — а вот какая связь между все этим—не понимал. Как дали мне этот доклад сделать — и к директору я ходил узнавать про расценки и ход заказов, по всем цехам ходил, проследил—как получают эти машины. Я и в завком ходил узнать какая и его роль в заводе: подписывать только бумажки и ставить печать, или он еще может что делать? Стал для меня завод, как на ладони. И другой совсем стала эта политграмота как ожила, все равно. Вот Маркину тоже доклад дали о паровой машине—ничего—хорошо его сделал.

Ребятам даются задания, которые они прорабатывают, они учатся действительно добывать знания, вместо той лекционной жвачки, которую им преподносили раньше. Перевели «классовые отношения» на сегодняшний близкий ребятам и понятный язык: рабочий и нэп. Политграмота, или, как ее ребята прозвали: «советский закон божий»—переселилась на землю.

Все это только вылупилось, еще не оформилось, но

уже чувствуется, что это стало живым делом. Ребята стали читать и прорабатывать прочитанное — уроки «воскресли» и от разных мудреных и скучных высываний из пальцев, пришли к живому делу, интересующему ребят.

Живое дело дает и требует живых людей.

МЫ ЖИВЕМ, БОРЕМСЯ, воюем за нашу школу, за нашу работу, но почти ни откуда нет помощи. Как хотелось, иногда, притти в свои организации, как напр., МК РКСМ, получить помощь, увидеть поддержку, не видать этой проклятой казенщины, сидящей в каждом учреждении. Но, как и раньше, так и теперь — не до нас им, видно. Заняты своими делами. Ну, и пусть их!

За нашу школу мы дрались, наверное и другие за свои школы боролись. В нашей школе есть опыт, наверное и в других школах есть опыт. Что же делается в других школах?

Если этим делом никто не занимается, то надо было бы самим организовать обмен опытом, собрать разбросанные по всем школам крупинки опыта, добытого в борьбе своим горбом.

Ребята выросли и растут на этой самой борьбе, которая идет и будет продолжаться еще долгое время, но выйдя из школы они будут другими людьми. Они не будут ждать, что кто-то к ним придет, кто-то там организует столовку или коммуны. Мы уже не будем безразличными, спокойными людьми: «моя хата с краю,

я ничего не знаю». Когда ожила школа, то ее дела нашли отклик и на рабочих собраниях, где нас поругают или одобряют свои люди, организовавшие нам школу. На этой борьбе нам стало ясно, что нечего выдумывать разногласий, которых и нет:—учком там или старостат—назови хоть горшком,—дело не в названии. (Мы, например, организовали президиум из 3 ребят от школы, 1 от ячейки РКСМ и завшколой).

Школа дает живых людей потому, что сама стала живой: она из случайных «активистов поневоле», какими мы были раньше, вырабатывает активистов с крепкой волей, которые хотят практической, полезной нашей стране работы.

Мы поняли, что самое главное не ждать кого-то, который нам что-то сделает, а самим бороться за свое дело и на этой борьбе учиться быть коммунистами. Мы знаем, что учась управлять школой, мы учимся управлять своим заводом, своей страной.

Б. Трейвас.

Идет, грядет новый человек. *)

(Картинка).

УРОК ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ В ШКОЛЕ ФЗУ на заводе «Красная Пресня» был сегодня подряд 2 часа.

Ребята устали.

Ворчанье, выкрики:

— Кончить надо.

— Собрание еще должно быть. И пообедать успеть нужно.

Руководитель обществоведения, молодой парень, почувствовав усталость аудитории, согласился с ребятами.

— Ну, давайте кончать.

Ребята бегом к выходу. В дверях, откуда ни возмись, представитель ячейки загородил руками выход.

— Не расходитесь ребята. Сейчас собрание будет.

Ребята расселись кто на окне, кто на парте, а кто и за партой.

*) Журнал «Товарищ» № 1, 1924 г.

Встает секретарь ячейки. Прямо бегом к председателскому месту.

— Ну, ребята, давайте скорей, без канители. Давайте председателя. Ведь и пообедать надо успеть.

— Архарова, Архарова.

— Ну, кто за Архарова?

— Все, все.

— Единогласно.

— Архаров, не канитель. Открывай собрание.

Ребята, высмеивая обычный шаблон, подсказывают: «объявля-ю соб-ра-ние от-кры-тым». Но Архаров открыл без шаблона:

— Ребята, вот в чем дело: мы получили для тех, кто живет в коммуне, 10 кожаных костюмов, 10 пар ботинок и 10 шапок. Нам нужно решить как их распределить.

Я на собрание попал случайно. Кожаные костюмы получила и наша школа фабзавуча Замоскворецкого Трам. парка. Недавно я имел крупный разговор с ребятами, живущими в коммуне. Доказывал им, что есть ребята, которые в коммуне не живут, но более нуждаются, чем живущие. Ребята возражали: почему, мол, они не шли в коммуну, когда их звали. Не дадим. Поэтому с большим интересом я следил за ходом собрания. Вот, думаю, споров-то будет! А тут хотят решить этот вопрос за 15 минут и еще пообедать сходить. Ребятам фабзавучников и цеховых больше 100 человек, а костюмов всего 10. Думаю, что каждому охота получить кожаную куртку и поэтому ребята,

по обыкновению, будут настаивать на жребии, а жители коммуны скажут, что это, мол, наше добро, нам дано, нам и отдайте и больше никаких.

Меня поразило предложение одного фабзайчика:

— Я предлагаю распределить не только среди фабзавучников, но и среди цеховых, выбрав из всех нас самых нуждающихся.

Предложение прошло единогласно.

Председательствующий Архаров читает список— кому из фабзавучников надобно дать, и что именно.

Прошло предложение—разбирать каждого в отдельности.

Первый прошел единогласно, на втором, тов. Исаеве, заминка.

— У него галифе есть.

Одному комиссия дала брюки и шапку. Ребята кричат:

— Мало!

— Александрову почему сапог не дали?!

— Дать, дать.

Единогласно постановили дать.

Секретарь, хозяйский глаз, предлагает сосчитать сколько уже распределено и сколько оставить для фабзавучников. Оказалось, что фабзавучники могут распределить еще одну куртку, две пары брюк и две пары ботинок.

С мест крик:

— Разуваеву дать куртку и брюки.

Разуваев встает с места:

— Мне, ребята, ничего, кроме куртки не нужно. Гут есть кто поболе меня нуждается.

— Ребята, у кого еще чего нет? — спрашивает председатель.

— Дайте мне цилиндр! — Все засмеялись.

— Вот Сидоров ходит хуже всех. Я предлагаю проголосовать ему ботинки.

— Ребята, я хорошо знаю — у Антипова брюк нет.

— Теперь все распределено, — объясняет председатель.

Я сижу и думаю: если бы кто-нибудь мне все это рассказал, я бы не поверил, а вот теперь ведь сам, своими глазами видел. Никто из ребят ничего не просил и не набивался, чтобы ему дали, и не только на собрании, а в частном разговоре, когда мы шли в столовую, никто не скулил: «вот я хожу как, а мне не дали». У жителей коммуны тоже никакого ропота. Удивительно!

Чем же это объяснить?

Только одним — другие ребята, выросшие уже на революционной почве.

Невольно освежился в моей памяти разговор с рабочими в теплушке в 1919 г.

— Да какая тут коммуна, когда спокон века каждый норовит друг друга с'есть. Может наши дети присмотрятся к новому, попривыкнут.

Другой поддержал его мысль:

— С нами плохая коммуна. Только что молодежь, может, другая будет, — что нибудь подходящее и выйдет.

Шесть лет революции и два года совместной жизни и борьбы в фабзавуче прошли для молодежи не даром. В этой капле коммунистического дела отразилось лицо нового человека.

Идет, грядет этот новый человек, обучающийся не только говорить о коммунизме, но и в мелочах коммунистически поступать.

И это одна из заслуг фабзавуча, выросшего на революционной, октябрьской почве.

Фабзаяц М. Зайцев.

Чем мы помогли школе.

НАШ ЗАВЕДУЮЩИЙ школой, очень энергичный человек, имел вначале подход, который нам очень не нравился. Он в своем благом намерении — улучшить состояние школы — действовал обособленно от учеников. Какие бы мероприятия в школе ни проводились, что бы ни улучшалось — все это брал зав. на себя одного. Он был — все. И некоторые ученики из такого положения вещей сделали вывод: сделать что-либо против школы — значит, досадить заву. А так-так недовольных завом было тогда очень много, то, естественно, что, при всем желании зава, он не мог никак заставить учеников «понять, наконец» и поднять хромавшую дисциплину.

Всем нам тогда стало ясно, что только при всеобщем активном участии учеников в разрешении вопросов школьной жизни, можно будет достичь хороших результатов. И хотя открыто об этом мало тогда говорилось (больше это сознавал каждый про себя), но активные ребята и бюро ячейки РКСМ взяли следующую тактику: довести зава до отчаяния, доказать, что одному ему все равно не справиться и тогда предложить наше участие в школьных делах.

Толчком послужил «приказ», вывешенный в один прекрасный день по школе. Это были просто правила внутреннего распорядка, преподнесенные, для большего воздействия, в «держимордовском» тоне.

Ребята взбаломутились, как один.

Дело пошло на подрыв авторитета зава.

Когда дело должно было вылиться в конфликт между завом и отдельными учениками, мы предложили заву свою помощь. Зав сперва все говорил: «Скажите, чем вы недовольны, и все пойдет хорошо». Мы предложили жить по новому, но он долго не соглашался.

Нужно отметить, что активные ребята сознавали недопустимость подрыва авторитета зава, как такового, но, тем не менее, не успокаивали разошедшихся ребят, не желая тормозить общего стремления к самостоятельности, так как сознавали, что, с одной стороны, без хорошего «боя» мы ничего не добьемся, а, с другой, что, когда страсти улягутся, дела пойдут лучше, чем раньше: зав авторитетом будет пользоваться не меньше, чем раньше, а у ребят исчезнет «трепетание» перед завом.

После всего этого было созвано совещание активных фабзайцев, бюро ячейки РКСМ и зава, где по докладу последнего ребята в прениях выставили много дельных предложений, между прочим, о введении в учебной мастерской системы учетных карточек и принципов массового производства. В настоящее время это уже успешно проводится в жизнь.

С тех пор такие собрания школьного ядра стали

созываются ежемесячно и стали основным руководящим органом школьной жизни, включая хозяйственную и денежную часть ее.

По управлению в группах был выбран учком. С тех пор исчезли даже неуловимые до того семечки. Пропулы и опоздания уменьшились. Впоследствии окончательно оздоровил дисциплину Дальтон-план.

Проведению намеченного плана обучения в мастерской мешал инструктор, человек старого закала.

Ребята взялись за дело, которое не в силах был до того сделать заведующий,—взялись сменить инструктора. Предлогом послужила «таска», которую задал инструктор фабзайцу: коллективное заявление — и в кабинете директора был назначен разбор этого конфликта. Делегаты фабзайцев резали напролом в присутствии «самого», грозы нашей мастерской (нужно было самообладание — ведь, инструктора могли и не сменить).

В результате наша взяла, хотя директор завода и секретарь ячейки РКП голосовали против нас.

С новым инструктором ребята установили чистотоварищеские отношения, что, безусловно, скажется и на успешности обучения.

Борис.

Перелом сделан...

(Замоскворецкий трамвайный парк).

ЗА ТРИ ГОДА существования ячейки РКСМ при Замтрампарке ни разу не ставился вопрос об улучшении дела в школе. А ячейка состоит почти исключительно из фабзайцев.

Заведующий парком создал школу, набрал учеников, набрал педагогов, с которыми он составляет программы, а ячейке-то зачем вмешиваться? — без нее все сделают.

Чувствуют ребята, что в мастерских много неладного и преподавание хромает, — а что сделаешь: скажешь — осадят.

За примером недалеко ходить: мастерская, где занимаются ученики второй группы, находится на «голубятне» (второй этаж). (Рис. 1). Вся копоть, весь дым снизу идет туда, — ребята чуть не забастовали; пошли к заву, а зав, по-русски сказать, к чорту посылает.

Таких случаев бывало не один, а десятки. Вот, например, преподавание: видишь, что проучишься час и ничего не поймешь. На уроках скука.

Куда пойти? Кому жаловаться? В местком — там на тебя же нападут!

— Вы, комсомольцы, только шуметь умеете, а что-нибудь сделать — там вас нет.

А ячейке РКП не до нас, не до школы фабзавуча. Вот такое настроение — ничего, мол, не выйдет — господствовало в школе.

Переломить это настроение — вот задача, которая стала перед ячейкой, а для этого нужно было убедить ребят, что борясь организованно, можно чего-нибудь добиться.

Зав поднял вопрос об увольнении из школы отстающих ребят. Ученики на дыбы:

— Надо дать им срок подучиться, чтобы догнать остальных; некоторым надо помочь в их тяжелом материальном положении.

Часть педагогического совета упорно настаивала на исключении. Ученики на этот раз организовались, обработали представителей ячейки РКП, месткома, притащили шефа:

— До конфликта дойдем, да не сдадимся.

Победили... Это — первая победа.

Теперь можно уверенней идти вперед.

А тут как раз подняли вопрос о создании коммуны.

— Ничего не выйдет, только одни разговоры, — где достанем помещение, кровати, мебель, посуду?

Но небольшая группа, увидав поддержку ячейки РКП, решила взяться за дело.

Воспользовались общежитием крестьян - экскур-

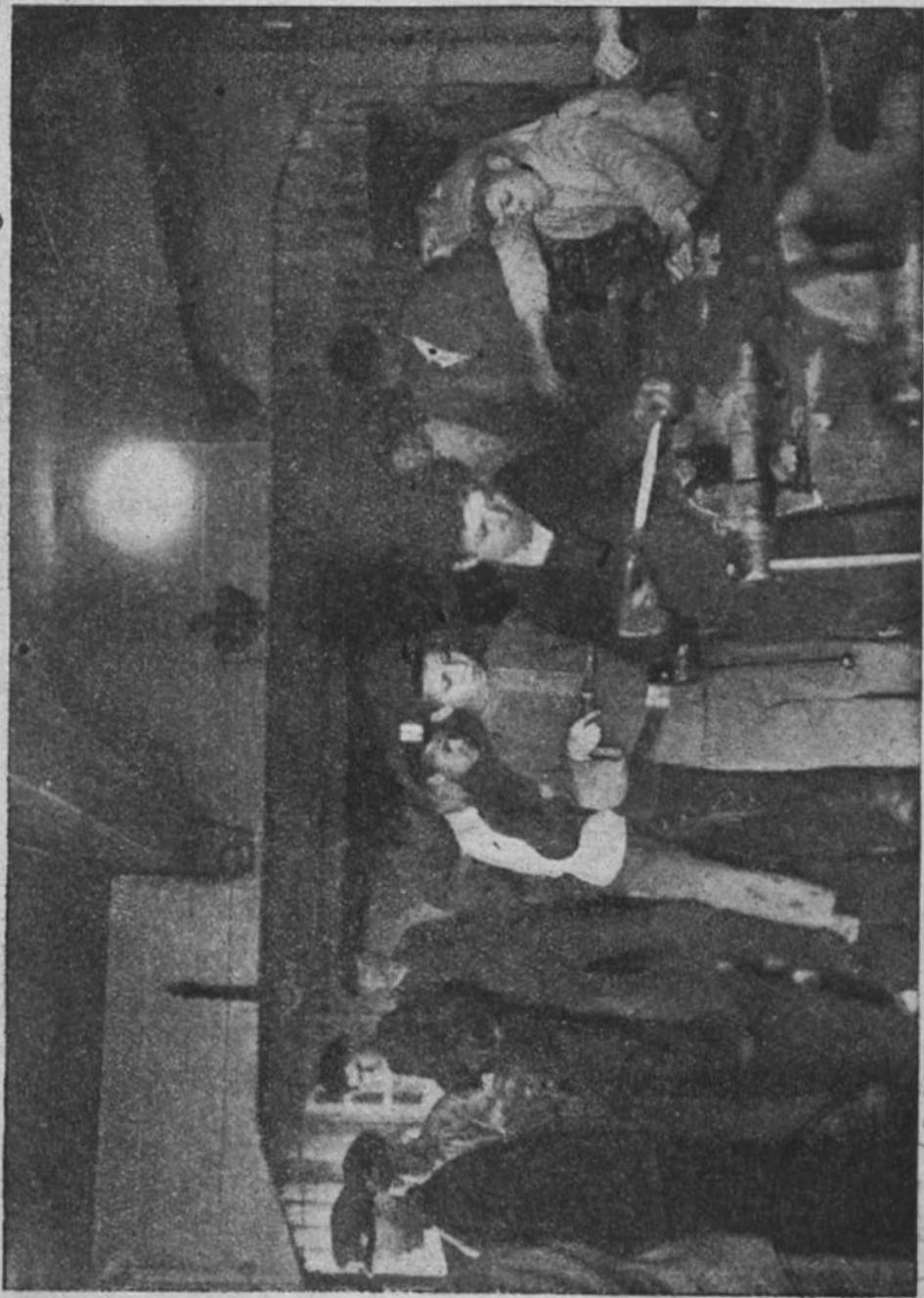
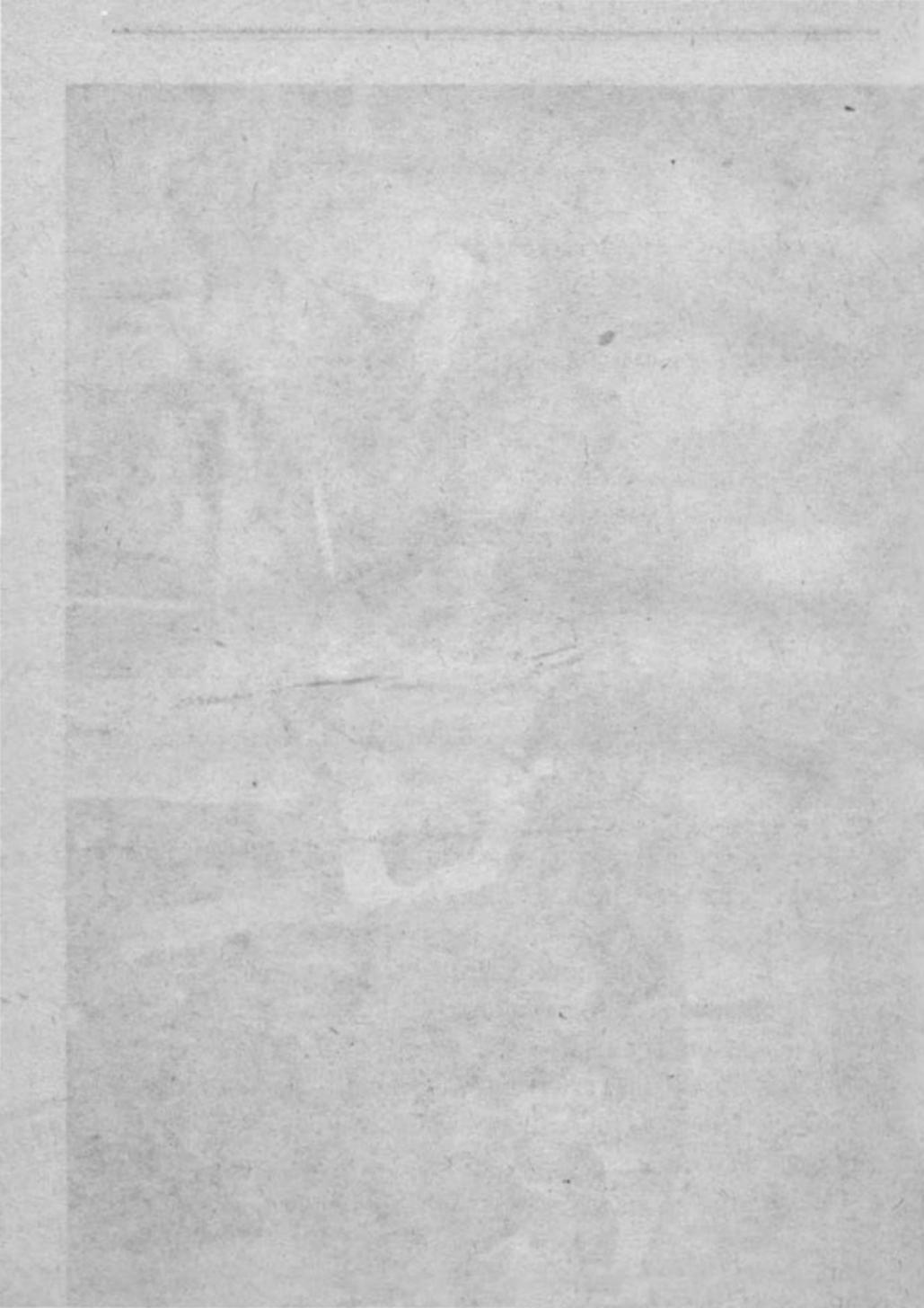

Рис. 1. „Годубягня“.

сантов Сельско-Хозяйственной Выставки. Добились от Мосздравотдела, чтобы оставили кровати, взятые для экскурсантов из больниц; послали ходоков к Рафаилу в МОНО, за подмогой. Рафаил, — свой парень: поторговался, поторговался, да и помог: одеялами, бельем, посудой и пр., и пр.

Коммуна создана.

Вторая крупная победа. Коммуна сколотила ядро ребят, готовых на борьбу за улучшение школы.

В коммуне то и дело разговоры про школьные дела.

Как-то раз собрались обсуждать все порядки в школе; рассказывают ребята, какие недостатки заметили:

— Вот в верхней мастерской работать совсем нельзя, — говорит Семенов, — внизу разводят горны, а весь дым наверх идет, задохнуться можно. Еще вот без чертежей работаем.

— Что там чертежи, тисок не хватает. На 24 ученика, только 15 тисок, — перебивает «Свисток».

— Токарного станка нет. Сверлильного нет: нужно дырку просверлить, идешь в цех, а там очередь, — стоишь, ждешь. Дошла очередь, а тут слесарь подбежит — он на сдельщине, ему некогда — ну и жди, пока кончит. Так иной раз и час прстоишь.

— Делаешь работу какую, нужно полдюймовое железо, дают трехдюймовое. Строгального станка нет. Пилишь день, два, смотришь — ничего не убавляется. Терпенья не хватает, поневоле бросишь. Головы для такой работы не нужно: пили, пили без конца. Железо — это не дерево: не скоро спилишь.

— Станки у нас поломанные, ржавые. Мы бы их починили, добавили бы части недостающие, а управление ГЖД не разрешает. Мы беремся поставить трансмиссии (а то станки зря ржавеют),—они опять не разрешают. А без станков какая работа? Вот и поднимай тут квалификацию!

— А посмотри: сколько треплются насчет связи теории с практикой — говорит Таганкин — а когда мы стали строить модель электрической станции, мы были уверены, что нам на практике все покажут, а вышло так, что опыты делают учителя, а к технической работе привлекли учеников младшей группы, которые электротехники и не нюхали. А электротехника, ведь, важный предмет. В теории то мы много проходим, а на практике мало знаем. Даже такую простую возможность связать теорию с практикой упускают.

— Да вот тоже: устанавливают у нас трансмиссию. Делают это слесаря, — почему не ученики? Если бы ученики работали, они бы все расчеты сделали, лучше механику поняли бы. Нет у нас связи теории с практикой. Одни слова.

— Ну, а это как называется — спрашивает Логинов — мы попросили преподавателя политграмоты, когда умер Ильич, рассказать о нем, а он нам отвечает: «Я не могу нарушать программы».

— Учителя — говорит Косорин — по разному относятся. Одни, как старшие товарищи, а другой, как начальник кричит: «Вон пошел».

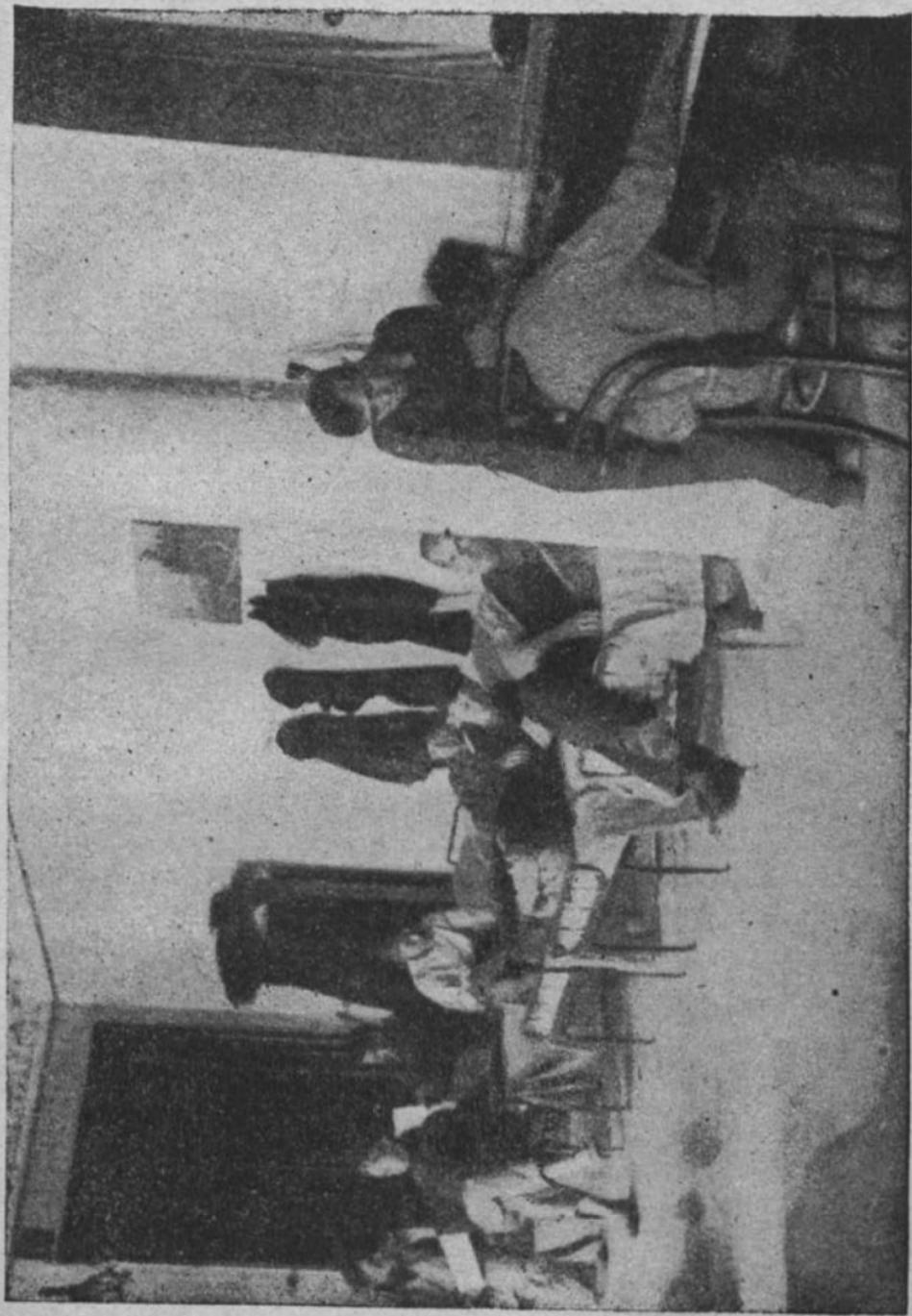

Рис. 2. В коммуно после работы.

1895. Printed by J. W. Moore, Boston.

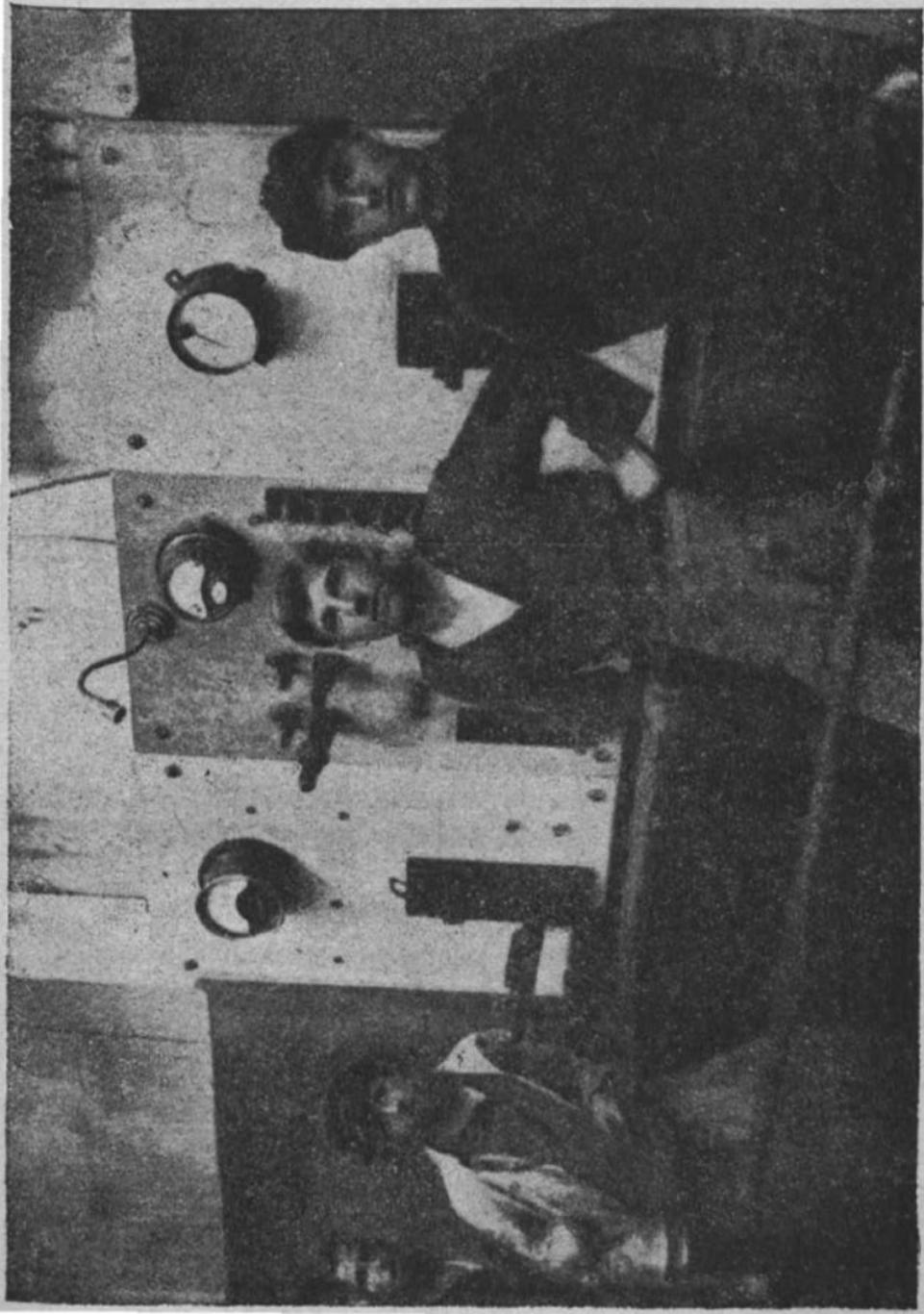

Рис. 3. Модель электрической станции, построенная ребятами.

Долго это мы судили да рядили, вдруг кто-то предложил:

— А что, если мы устроим суд над школой? Составим обвинительный акт, выставим свидетелей, которые расскажут про все порядки и непорядки. Всех выведем на чистую воду!

Мысль эта всем понравилась. Тут же начали совещаться, как это устроить.

— Ребята, надо и хорошее показать,—ведь, у нас не только одно плохое.

— И ячейке надо всыпать, что до сих пор спала.

Итак — решили устроить суд над школой фабзавуча.

— А как заведующий посмотрит? Он будет против.

Эту миссию — поговорить с заведующим — поручили инициатору суда.

Поговорили. Созвали совещание президиума школы.

— Так, мол, и так, решили мы устроить суд. Все наши недостатки вскрыть. Ученики будут обвинять и защищать. Давайте, кто из учителей хочет, в защиту.

Решительно высказаться против никто из педагогов не посмел.

— Я думаю, ничего из этого не выйдет хорошего. Скорее — плохое, — говорит один из них.

А заведующий обиделся:

— За что-же вы нас судить будете, — что мы столько энергии вбили в школу?

Да и часть учеников сомневалась в успехе.

Инициативная группа решила дело довести до конца.

Устроили общее собрание. Рассказали, как мы мыслим себе этот суд, цель его. Ребята одобрили. Тут же, на собрании ребята наметили, кто о чем будет говорить. Наметили свидетелей по следующим вопросам: о постановке производственного обучения; об оборудовании школы и учебных пособиях; о связи теории с практикой; о «сухости» преподавания; особо выделили вопрос о преподавании политграмоты (этот предмет «хромал на обе ноги»); о внешкольной работе; о связи библиотеки со школой; о работе учкома; о работе ячейки РКСМ.

Кроме того, попросили двух рабочих выступить и дать свое мнение о школе.

Выдвинули из своей среды двух обвинителей и одного защитника, решив второго защитника взять от педагогов.

О свидетелях постановили—пусть каждый соберет материал, пусть соберет интересные факты по данному ему заданию — и кроет.

Решили только дать основные мысли защитнику и обвинителю. Обвинители между собой распределили роли таким образом: один говорил о производственном и теоретическом обучении, а другой — готовит ли школа коммунистов.

Пригласили умелого председателя (потому, что от него многое зависит — задавать во время вопросы и т. д.).

Стал вопрос, кого посадить на скамью подсудимых: заведующего, президиум школы, или от всех организаций по одному представителю; судили, рядили и

пришли к такому выводу,—устроить на сцене (где будет суд) домик с вывеской: «Школа фабзавуча Замтрампарка» и туда посадить одного парня.

Через неделю репетиция — все как по маслу. Ребята очень живо рассказали отдельные недостатки школы — пришлось только немного поработать над защитой и обвинением.

Вторая репетиция — и все готово.

Постановили суд устроить в день трехлетия школы. Никаких речей, никаких приветствий никому не давать — вместо этого устроить суд.

Невольно получилось, что все ребята стали работать над вопросами школы, начиная от мелких недостатков до методов обучения, постановки учета и т. д.

Даже разговоры между собой и то изменились: ребята подходят к свидетелю:

— Ты знаешь, о чем скажи: как Зайцев (преподаватель политграмоты) читал нам про Генуезскую Конференцию через год после того, как она кончилась.

— Еще насчет столов — у нас столы, что в пивной — каменные. Дадут чертеж — хоть к штанам пристегивай.

А коммуна почти одним судом и жила. Друг с другом совещаются, как бы лучше сказать (а большинство, которые никогда и на ячейке не выступали).

Весть о суде распространилась среди рабочих: слесарей, кондукторов, вожатых. Едем на площадке трамвая, вожатый спрашивает:

— За что же это вы школу судите?

— Приходи, послушаешь.

В день суда зал был битком набит — и своими рабочими, родителями фабзайцев, и приглашенными фабзайцами других школ.

— Суд идет. Прошу встать, — раздается со сцены.

Развернулась вся история школы. Все хорошие, все плохие стороны. Все ненормальности выплыли наружу. Действительно — всех на чистую воду вывели.

Рабочие остались очень довольны судом.

— Все, как на ладони.

— Здорово вышло. Ребята-то как смело говорили — учитель тут же стоит, а они прямо в глаза так и лупят.

— Одному учителю прямо жарко стало. С суда удрал.

Ученики осознали свою силу — третья победа.

Учителя изменились: «как миленькие стали» — говорили ребята.

Принятый приговор суда поставили на обсуждение президиума школы совместно с бюро ячейки РКСМ и учкомом (впервые такая демократия).

Пункт за пунктом ребята отстаивали. Самый острый вопрос — о Дальтон-плане. Суд постановил ввести Дальтон-план, а учителя настаивают:

— Надо нечто среднее.

(А старое защищать никто не посмел).

— Мы не можем ввести Дальтон-план: у нас нет оборудования, нет помещения, — говорит заведующий.

Среди учителей раскол. Часть поддерживает уче-

ников. Представитель ОШРП крепко отстаивает интересы учеников.

Подействовало заявление ребят:

— Мы беремся отремонтировать помещение бывшей кухни.

— Ну, если так—говорит заведующий—идет,— материал достану.

С другими пунктами легче.

В президиум школы ввели трех учеников.

Затор вышел со сменой одного учителя—и то ребята на своем настояли.

Ребята стали больше школой интересоваться. На заседание школьного совета приходят человек 10—20 (до сих пор дело небывалое).

Единогласно решили вновь выбрать учком (после Райконференции школ фабзавуча учком ликвидировали за ненадобностью).

Сильнее забила жизнь ячейки: сегодня совещание—кого в какую школу послать ознакомиться с Дальтон-планом; в понедельник собрание по группам с докладами педагогов—как они думают перейти к Дальтон-плану; в среду—доклад исследователей и т. д.

Издали толстый журнал «За три года».

Достали в ГЖД денег на закупку книг.

ОШРП обещал дать денег на ремонт помещения.

Все ученики знают, что все это—дело рук комсомольцев.

Стыдно стало беспартийным быть вне комсомола—11 человек ребят подали заявление о вступлении в комсомол.

Вот оно:

В ячейку РКСМ Замоск. Трам. Парка.

От учеников школы Ф. З. У.
Коробкова, Родионова, Петрова,
Семенова... (11 человек).

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Видя то, что ячейка РКСМ за последнее время значительно подняла свою деятельность среди молодежи, а в частности, в школе ФЗУ, вовлекая как рядовых членов комсомола, так и беспартийных ребят в общественную работу, не на словах и красивых докладах, а практически проводя в жизнь намеченную работу; и сознавая, что все должны работать и участвовать в улучшении положения нашей Республики и всего рабочего класса — мы также считаем необходимым вступить в комсомол и просим ячейку РКСМ принять нас в свои ряды.

(Следуют 11 подписей).

* * *

Как то раз пришлось поговорить «по душам» с заведующим школой:

— Знаете, — говорит, — ну вот, например, я, заведующий школой, рабочий, учился в техническом училище, — как меня учили, так и я учил. Только сейчас понимать стал, что это нехорошо. Какие мы педагоги? Никогда не приходилось с ребятами говорить просто, как с равными. Я по горло занят и учи-

теля тоже «по часам» работают. С 1-го мая Дальтон-план введу! Ребята пусть помогают — кроме хорошего от этого ничего не будет.

Первые победы подбодрили ребят, показали, что в организованности—сила.

Начало положено. Перелом сделан.

Как сумеют ребята улучшить постановку обучения в школе, покажет ближайшее будущее.

Из нашей работы.

(Завод Каучук).

РАЗГОВОРЫ О МЕТОДАХ преподавания только после райконференции пошли.

Рассказали о конференции на старостате; рассказали в классах, как в других школах преподают.

Узнали ребята, как у других — заметили и у себя недостатки.

В подготовительной группе по математике преподаватель не объяснял перед уроком всему классу, а сразу давал задачи. Если кто не понимает, он уведет того за доску, и там объясняет. Задачи дает по старому задачнику, — а, ведь, сколько вокруг нас интересного материала! Потребовали ребята, чтобы он перед всяким новым заданием давал объяснения всему классу, чтобы задачи из производства взял.

Сначала обиделся, а потом подумал—увидел, что правильно. Так и сделал, как ребята говорили.

Та же история с математикой и во второй группе. Учитель сам не понимал раньше, что плохо препода-

дает. Только когда указали ребята, понял он это и стал давать интересные задания из производства. Вычисляли, например, сколько заводу обходится выработка спринцовки и т. п.

По обществоведению у нас преподаватель «быстро грамотный». Все время иностранными словами стрелял. Ребята слушают, а ни бельмеса не понимают. Потребовали, чтобы говорил проще, понятнее. Человек он хороший — прислушался к замечаниям, понял свою ошибку и теперь всегда с нашим мнением считается.

Обследовали мы и другие школы фабзавуча: ВЭК, Ливерс и другие. Многие решили исправить у себя.

Если заметим какой недостаток, ставим вопрос на групповом собрании. Ребята дают конкретные предложения преподавателям. Если они не соглашаются — ставим вопрос на старостате. Если и это не помогает, приходится действовать через школьный совет. А в школьный совет у нас входит весь старостат; кроме того, все желающие ученики тоже присутствуют на заседаниях с правом совещательного голоса. Если предложение дельное, то и учителя охотно поддерживают. Так что все дельные предложения мы проводим.

Вик.

Добились.

(Уваровский трамвайный парк).

ДЕЛО НАЧАЛОСЬ после районной конференции школ фабзавуча. Делегат от нашей школы прочел на школьном совете доклад о районной конференции и рассказал, что там говорили о преподавании.

— Почему мы все время на грамматике сидим и даже доклады об имени существительном делать приходится, а в других школах грамматику в самой малой степени проходят?

Указал какие недостатки в преподавании математики.

— Нужно изменить методы преподавания!..

Преподаватели возмутились:

— Как они смеют рассуждать о методах преподавания, когда не все еще знают, что дважды два-четыре. Закипел спор.

* * *

Общее собрание учеников.

Доклад о райконференции. Прения после доклада захватили всех ребят. Больше — жаловались:

— Преподают «сухо». На уроках скука. Нет связи с производством и т. д.

Но были и такие, которые защищали преподавателей. Вышел парнишка и кричит:

— Преподаватели правильно преподают, и по русски тоже хорошо, нечего напраслину взводить. Ничего вы в программах не понимаете, а я говорю—все программы хороши.

Долго ругались и спорили ребята, наконец, постановили: всем обсуждать педагогическую работу.

Не в пример другим постановлениям, это, с завтрашнего же дня, начали проводить в жизнь. Чтобы ввести ребят в курс дела, ставили доклады преподавателей об их предмете на старостате и на групповых собраниях. Тут же ребята указывали на все недостатки. Преподаватели отвечают: по их словам выходит, что они и рады бы сами преподавать как следует, да вот беда—учебников нет, и денег на учебники нет. Тут вот и приходится по старинке преподавать, лекции читать.

Возражение серьезное. Ничего не пропишешь: или по старому учись, или—даешь учебники. Выбрали ребята второе. Постановили взять аванс на всех, купить учебники, а потом постепенно выплачивать.

Пригласили докладчика, чтобы рассказал о Дальтон-плане.

Послушали ребята и поставили преподавателям условие: мы даем учебники, а вы—даешь Дальтон-план, или индивидуальный метод.

Им крыть нечем—согласились.

Так мы добились перехода к Дальтон-плану.

В. Соркин.

О „хорошем“ заведующем или почему нам не о чем писать.

ЭТОТ ГОД нас экскурсиями и обследованиями в конец измучили,—хоть «караул» кричи. Недели не проходит, чтобы не приехал какой-нибудь Аксоцвос, или Петропрофобр, или ВСРМ или еще кто — названий всех не упомнишь — и «все на наш редут».

Почему такое? — Да потому, что наша школа одной из лучших считается. А если школа фабзавуча хорошо поставлена, значит, не без борьбы этого добились, значит, немало и ребятам пришлось поработать.

Вот и приехал к нам парень из центра:

— Напишите, мол, как у вас ребята за школу боролись.

Написать взялись. Собрались мы, человек пять фабзайцев, и думаем—о чем написать? А ведь как будто не о чем? Думали, гадали, наконец, решили: написать,

почему нам писать не о чем, как это так вышло, что без нас все в школе делалось.

А делалось много чего. Теперь зайдешь в мастерскую: станки в две шеренги выстроились — штук двадцать станков-то будет, — верстаки новенькие, и инструментальная отдельная, и материальный склад — совсем «как у людей».

А посмотрел бы, что раньше было, годика этак полтора назад: станка ни единого, тисок всего штук пятнадцать-двадцать, темно, грязно, — лучше и не рассказывать.

Теперь и в классы приятно зайти, не то, что было, — и чисто и просторно, и читальня отдельная, и кабинет физический.

Вот думаешь: «ай, да ребята, ай, да комсомольцы», — не тут то было. Если спросишь кого, чьих рук это дело, всякий скажет — Иван Иваныча, заведующего. Чахоткой болен, а целые дни насчет школы хлопочет. То к директору подойдет как нибудь невзначай, поболтают они между собой, будто о пустяках, — а глядь, станок выпросил, или денег на книги, или еще чего. А то просто пристанет, как банный лист, со всеми переругается, а своего добьется.

Видят «главки» наши: директор, завком, да ячейка — человек за школу грызться со всеми готов, здоровья совсем не жалеет — как не помочь? — и помогали.

Вперед Ив. Ив — чу трудно было, грызться часто приходилось, а потом полегче: со всеми перезнакомился, всем он друг-приятель. Если надо чего — зайдет, по-

толкует, не по-казенному, попросту: если можно—дадут, нет—на нет и суда нет.

Не только на счет станков и тисок пришлось Ив. Ив—чу хлопотать, еще дела были. Вот учебный план. Прежний зав просто его составлял: число учебных часов в неделю разделил на число предметов—получилось три,—значит, каждый предмет три часа в неделю. Простая арифметика: и черчение, и математика, и география, и обществоведение, все по тройке. Пришлось и преподавателей сменить—все почти конторщики заводские были. Много было работы, но со всем этим Ив. Ив. легко справился. Он у нас человек опытный, недаром лет десять учителем в гимназии был. На совете школьном или на президиуме прямо послушать приятно, как он отчитывает, если кто из учителей ему перечить вздумает: тут тебе и «комплексный метод», и «Дьюи», и «Паркхерст»—тот уж не рад, что вылез, а директор, да завком руки потирают: «Вот клад то нашли—с этим не пропадешь, этот школу поставит, «что надо».

„Самоуправление“.

ТЕПЕРЬ У ИВ. ИВ—ЧА еще одно важное дело: ребят в руки взять,—а ребята наши от дисциплины немного поотвыкли! —случалось, даже рабочие жалуются: фабзайцы в столовой озорничают.

Ив. Ив—чу нужно, с одной стороны, дисциплину завести, чтобы «как у людей» (понимай: как в гимназии), с другой стороны—самоуправление организовать,

чтобы в грязь лицом не ударить (теперь ведь всякий, кому не лень, о самоуправлении треплется).

Взялся Ив. Ив—ч за дело. Как бы на счет дисциплины устроить? Вот если бы можно было бы по-старому: «молчать, не разсуждать»—враз наладил бы дело, а теперь не очень то разойдешься. Надо «самоуправление» вводить. Дело новое, сомнительное, да ничего не поделаешь.

Ив. Ив. приступил к делу. Выбрали в каждой группе старост. Созвал их Ив. Ив., речь держит:

— Школа, мол, ваша; вы, мол, хозяева школы; все для вашего блага делается и т. д., а посему вы мне помочь должны школу наладить.

— Мы, что,—с нашим удовольствием.

— Так вот, товарищи, чтобы не откладывать дела в долгий ящик, с завтрашнего же дня каждый на свой класс будет получать под расписку в канцелярии ручки, карандаши, рейшины и проч. принадлежности и раздавать перед уроком своему классу; будете журнал посещаемости вести; за порядком следить. Если кто из ребят озорничать будет, слушаться не будет, доносить мне.

С этим и отпустил нас.

Вот, думаем: не было печали, так черти накачали, да подчиняться надо. Обещали все в точности исполнять.

Ив. Ив. рад: и дисциплина будет, и в канцелярии работы меньше. Двух зайцев разом убил.

Вышло же оно не совсем так. С карандашиками, да с тетрадками все в порядке, а дисциплина, как была,

так и осталась. Нас ребята признавать ни «де-юре», ни «де-факто» и не собираются. Опять приходится Ив. Ив—чу кричать, да ногами топать.

„Б у з а“.

В ЭТО САМОЕ ВРЕМЯ, когда Ив. Ив—ыч пытался «самоуправление» наладить, у нас с обществоведением «буза» вышла. Был у нас преподаватель - свердловец. Дали ему где-то там, в губполитпросвете, программу, — он по ней и дует все время. Спросишь у него чего-нибудь насчет Керзона (тогда только о нем и говорили), а он огрызается:

— Ленитесь вы, лодыря корчите. У нас есть программа, мы по ней и проходить должны, а разговорами посторонними нечего заниматься. Тише!..

И пошел бубнить про «формы общественного устройства».

Ребятам такой ответ не по нутру—они давай «бузить». Один-два урока поскандалили,—выволочку получили от Ив. Ив. со всякими предупреждениями. Да не помогло это—«голь на выдумки хитра»—придумали новую политику: «забастовку итальянскую» устроили: молчат на уроке ребята, как воды в рот набрали. Преподаватель из себя выходит, бесится, а придаться не к чему: тишина в классе. Свердловец наш выскочил из класса и к Ив. Ив—чу заявление подавать. И ребята тоже протест:

— Не надо нам политграмоты, не хотим.

Ошибка в расчете.

НУ, ДУМАЕТ ИВ. ИВ—Ч, тут мы их к рукам приберем. И чтобы получить от «власть держащих» на «диктатуру» разрешение, сейчас же поехал панику наводить в ОШРП *).

— Что делать, как быть? Ребята политграмоты не хотят! Забастовки устраивают! Контр-революционное настроение у ребят!

Ждал Ив. Ив—ч, что сразу же ему предложат скрутить ребят в бараний рог. Но его успокоили:

— Дело не в контр-революционных настроениях— просто преподаватель не годится, его сменить надо. А ребята у вас, правда, не дисциплинированы. Надо взять вам парня, комсомольца, или партийца, который пользовался бы авторитетом у ребят, организовал бы действительно самоуправление, и вообще всю работу с ребятами вел бы. Кстати, у нас такой на примете есть.

Ив. Ив—чу такой оборот дела не по вкусу пришелся. «Это, думает, что ж?—значит ребята совсем из-под моей власти уйдут. И кто знает, что за парня дадут,—а может и вовсе мешать будет». А вслух:

— Что ж? Попробуем, пришлите.

Вывернулся.

Прислали. Парень как парень — комсомолец. С заводской ячейки сняли. Расспрашивает это Ив. Ив—ч его обо всем: где работал, да как работал, да что здесь думает

*) ОШРП—отдел школ рабочих подростков Москпрофобра.

делать, да как за дело возьмется. Все расспросил Ив. Ив—ч, потом сам давай рассказывать: в каком состоянии он школу принял, да сколько работы было, да сколько он здоровья потерял, да что еще предполагает сделать:

— Самоуправление, правда, есть уже, ребята работают, но дисциплиной похвалиться еще нельзя. Впрочем—все перемелется. Вот только в канцелярии беспорядок—так вы уж пожалуйста, с завтрашнего же дня займитесь этим делом. Ведь, если—не дай бог—какое нибудь обследование будет, пропадем мы с вами. Нужно прежде всего инвентарную книгу завести и денежную отчетность поставить как следует, этим вы и займитесь.

— Ну, а с самоуправлением то как?

— Э, батенька, когда вздумали самоуправлением заниматься: ведь, весна на дворе—ребят ни в какие комиссии калачем не заманишь. Да и срочное дело есть—вдруг ревизия нагрянет, тогда уж поздно будет приниматься.

Видит парень,—заведующий для школы в лепешку разбивается, школу знает, школу любит как видно, о школе заботится—ему лучше знать, что в первую голову делать. И завертелся: с утра до вечера только и видишь: то смету составляет, то списки пицет, то инвентарь записывает. Прошло месяца полтора, а работы в канцелярии не убавляется. Даже как будто больше с каждым днем. Нет, думает, тут что-то неладно—не за этим меня сюда посылали. Пошел к Ив. Ив—чу. Выложил все начисто:

— Вы — говорит — просто бухгалтера наймите, а я вам не нужен.

Ив. Ив—ч давай умасливать:

— И не стыдно вам об уходе говорить? Я, ведь, больной человек: сегодня работаю—завтра слег. Вы один в курсе дела. Только на вас могу положиться. Вот завтра нужно смету на расширение школы подать—кто это без вас сделает? А там, с нового учебного года, и за ребят возьметесь.

А ребята как к новому секретарю относились?—им то что?—просто, новая крыса канцелярская появилась. Так и относились.

Учебный год кончился. Начались отпуска. Нужно было отправить ребят в дома отдыха, в колонию. Всю эту работу во всех школах сами ребята проводили. И у нас ребята «сами управлялись». Только немножко по иному: сидит Ив. Ив—ч у себя в канцелярии и распоряжается:

— Петров, отправляйся сейчас в ЦК металлистов, снеси эту бумажку. Сидоров, сбегай в Райком РКСМ, принеси путевки. Иванов... Степанов, сходи в завком... в ячейку...»

Как видите, работали сами ребята (курьеров у нас нет). И все шло, как по маслу, пожаловаться не на что.

Как рассуждает Иван Иванович.

ВООБЩЕ ИВ. ИВ—Ч ТАК РАССУЖДАЕТ: назначили заведующим его—значит, он всем ведавать должен, а то, если учебной частью ведает он, мастерскими—другой, ребятами—третий, или (что

еще хуже) ребята «сами управляют» — не миновать разнобоя в работе, все прахом пойдет.

Пожалуй, и не только поэтому он такую линию проводил: я, мол, «самодержец»: это проще и легче, чем со всякими там учками, да старостами возиться. Да и Ив. Ив — чу на старости лет где уж перучиваться: он в гимназии своей привык, чтобы «в струнку», а тут не то, что «в струнку», — как будто вовсе слушаться не желают.

Ну, а там что говорят, будто ребята в других школах программы составлять помогают, да еще всякое такое — так это сказки детские: посмотрите на наших ребят — разве от таких хулиганов слова путного добьешься?

Так он рассуждал про себя. А послушать его, так это — самый что ни на есть «новый педагог»: через каждые два слова на третье у него «самоуправление», да «самодеятельность». Но как до дела дошло, мы и увидели, что за птица.

От одного избавился.

С НОВОГО УЧЕБНОГО ГОДА Ив. Ив — ч почти всех учителей сменил, человек 40—50 учеников набрал, денег на кабинеты получил, помещение новое для мастерской дали — как угорелый, бегаёт с секретарем своим целый день. Все бы хорошо, да только в самый разгар работы разхворался Ив. Ив — ч и в Крым укатил.

Заместителем оставил Николай Николаича, инженера заводского. Ник. Ник. — человек занятой: и без

школы у него работы в досталь. Школу он своими посещениями не баловал: забежит иной раз на минутку, а то просто по телефону позвонит, справится, — что слышно и не нужно ли каких бумажек подписать.

Вся работа по школе на секретаря легла. Всю кашу из тысячи начатых и неоконченных дел пришлось ему расхлебывать — совсем бедняга запарился. Все-таки пытался он несколько раз ребят к делу привлечь, — да уж очень он от них отошел, и ребята не доверяли ему: «администрацией» считали. Он и махнул рукой — дела и без этого по горло: и на биржу надо — учителей регистрировать, и в МОНО — тысячи списков, да анкет подавать, и приборы для кабинетов покупать, и в заводе со всеми ругаться. А ругаться приходилось вот почему: Ив. Ив — ч всех приучил, что по всякому делу касательно школы надо к нему обращаться. Теперь же, без Ив. Ив — ча, когда в завкоме или у директора нужно было чего, с секретарем и говорить не хотели:

— Пришлите замзава! — или:

— Мы поговорим об этом, когда Ив. Ив — ч приедет.

Увидел секретарь наш, что и от ребят отшил, и в бухгалтера превратился — ушел он от нас, как только Ив. Ив — ч из Крыма приехал.

Ловкая политика.

А ИВ. ИВ. приехал со свежими силами и за дело принялся. Дисциплины в школе и в помине нет. Нужны экстренные меры. Первым делом коноводов исключить. Но как это сделать, — вот вопрос,

над которым Ив. Ив—чу пришлось призадуматься. Теперь ведь это не так просто, как в добрые старые времена: распорядился и—готово дело; теперь и завком вмешается и ребята не допустят. На этот раз Ив. Ив. в ОШРП не поехал, решил сам действовать. Прежде всего обработал директора и предзавкома: наговорил им с три короба и добился полной поддержки. Но это пол-работы. Нужно и ребят обработать. В срочном порядке выбирается учком. Ив. Ив. давай расписывать, чем учком должен заниматься: учком—царь и бог в школе: но главная задача учкома, гвоздь работы, в том, чтобы наладить дисциплину.

Больше всего ребята в канцелярии мешают: чуть звонок, набьются до отказа в канцелярию: галдеж, хохот—работать нельзя. Просил Ив. Ив—ч, ногами топал—не помогает. Гнать взашей—не гоже. Приходилось терпеть. Зато теперь, когда учком организовали, лафа—объявление повесили:

**БЕЗ ДЕЛА В КАНЦЕЛЯРИЮ
НЕ ВХОДИТЬ.
УЧКОМ.**

Теперь и нос совать не моги—своя же власть по-становила.

Учкомцы, подгоняемые Ив. Ив—чем, ретиво взялись за дело,—не прошло и месяца, как учком превратился в жандарма для ребят. Когда в «Молодом Ленинце» появилась карриатура: «замри, учком идет»—мы так и решили, что это про нас.

Промахнулся.

К ЭТОМУ ВРЕМЕНИ среди ребят (большей частью, из новичков) выделилась группка позубастей. Надоумил их немножко секретарь наш. Бросивши работу, он на свободе разобрался в своих вольных и невольных ошибках и нередко приезжал к нам, обсуждал с нами положение дел. Решилась наша группка учком переизбрать. Долго пришлось ребят уламывать: не хотели «смуты» заводить, да и цели не видели.

— Наше — говорят — дело маленькое: слушать и исполнять. Есть у нас Ив. Ив., он все знает, все понимает, обо всем позаботиться. Если надо чего: скажем, — он и сделает. Правда кричит он иногда, ногами топает — зато школу как поставил!

Ребята во всем полагались на Ив. Ив.—ча и не понимали, зачем это наша группа бузит. Не поняли этого и завком и ячейка, где мы как то пытались об этом говорить.

Все же на общем собрании удалось нам старый учком сменить. В новый учком, конечно, вся наша группа в полном составе влилась. Ив. Ив. такого оборота не ожидал. Он не успел даже свой план провести, — «бузотеров» исключить.

Исправляет ошибку.

НАЧАЛ ОН НАС ОХАЖИВАТЬ. Прежде всего, чтобы ребят от нас отдалить. Бывало, вызовет он кого-нибудь из нас, учкомцев, к себе в канцелярию, беседовать. Говорили о делах школьных: о

разрядах, о мастерских или еще о чем. Другим ребятам интересно послушать, но чуть подойдет к нам кто из фабзайцев, Ив. Ив. волком на него:

— Тебе чего надо?

Парень отойдет, но обида остается и на учком: «Что он, — из другого, что ли, теста сделан, что ему можно, а мне нельзя?». Учком все же влиянием среди ребят пользовался.

Тут Ив. Ив—ч другую политику повел. Пошел в Завком, к директору, в ячейку, расхвалил (правда, в меру) учком, а, в заключение, «чтобы не было разнобоя в работе», чтобы иметь возможность руководить работой школы, попросил, когда ребята будут куда обращаться, согласовывать прадварительно вопрос с ним. Проще говоря, ничего для ребят не делать без записки зава. «Главки» наши охотно согласились с этим: во-первых, Ив. Ив—ч просит,—а он ли не желает добра школе? А, во-вторых,—не охота возиться с ребятами, всякие просьбы ихние разбирать: разрешишь, а они натворят чего-нибудь, отвечай за них. Пусть лучше одно ответственное лицо будет — Ив. Ив—ч. На него вполне положиться можно.

Не дают ходу.

В РЕЗУЛЬТАТЕ, такая штука получается: куда мы ни ткнемся — без Ив. Ив—ча ничего не сделаешь.

Понадобились как то ребятам деньги, — продукты для общежития покупать. Пошли мы к Ив. Ив—чу в долг просить.

— Нет—говорит—у меня денег.

Пошли к директору:

— Так, мол, и так, нужно нам продукты для столовой купить, отпустите нам аванс на всех, коллективный.

— Гм... аванс. Ладно, я поговорю с заведующим.

Ив. Ив—ч на завтра не вышел—заболел. После завтра—тоже. Так мы ждали, пока не пришел Ив. Ив., и не поговорил сам с директором.

Ну, это директор, с него чего спрашивать? А вот как культкомиссия с нами разговаривает. Приходим мы к председателю культкомиссии насчет снарядов физкультурных и тусов хлопотать. А он нам в ответ:

— У вас есть заведующий, пришлите его—я с ним и договарюсь.

Обращались мы как-то к секретарю ячейки РКП. Выпускную группу сфотографировать хотели. Не тут то было. С нами и говорить не хочет—подавай заведующего.

А Ив. Ив. вообще ходу учкому не дает. Вздумает кто из нас что-нибудь новое сделать, сейчас рке к Ив. Ив—чу посоветоваться. А тот, если понравится ему, подхватит и сам сделает, а нам провести не дает. Часто даже и до учкома дело не дойдет. Не понравится—против его воли никаким чортом не проведешь ничего.

Нужны были нам для мастерской аршины складные, а то, когда надо чего измерить, беги всякий раз к мастеру. Не только мы, и мастера говорят, что без аршинов трудно обходиться (заведующий мастерскими в

то время болен был, в больнице лежал). Пошли мы к Ив. Ив—чу:

— Дайте, мол, денег.

Нам он не поверил, мастеров спросил. Мастера подтвердили. Делать нечего.

— Поезжайте,—говорит,—узнайте цену.

С'ездили ребята, цены узнали, сторговались даже. Приезжают, да прямо к Ив. Ив—чу за деньгами, а он: —Нет—говорит—без заведующего мастерскими я не могу инструмент покупать. Вот придет Вас. Вас., тогда поговорим.

Так мы и ушли не солоно хлебавши.

Результаты.

Так оно и выходит, что ребята не видят работы учкома. Где-то он заседает, что-то делает, а толку от него, как от козла молока: просто, для мебели существует. А Ив. Ив—чу честь и слава: он все делает, обо всем заботится.

Вот почему писать нам не о чем — все без нас сделали .

Если и задумаем мы чего сделать, и то не приходится: или зав. за нас сделает, или нам помешает.

От всякой самостоятельной работы нас отшивали. А из этого что получается?—Лучшие ребята перестали в свои силы верить, и вместо того, чтобы пользу школе приносить, от безделья хулиганством занимаются.

Ведь вот штука какая: самый озорной, всех бузотеров предводитель, Калачев, об исключении которого

на школьном совете говорили и на которого Ив. Ив.—ч
все время зубы точит — оказывается, больше года
членом президиума районного клуба состоит, один из
лучших работников клуба.

Теперь, если надо чего для школы сделать, хоть
мелочь какую, не упросишь ребят. У них готов ответ:
— А Ив. Ив. зря что ли жалованье получает...

Вот, ребята, дела какие делаются в нашей шко-
ле, — в школе, которая по оборудованию и по подбо-
ру педагогов одной из лучших считается и где заве-
дующий — старый спец, который действительно ра-
ботает по мере сил и разума. Сил то он не жалеет,
да понимает он по старинке, как в гимназии привык.

И выйдут из нашей школы не рабочие-коммунисты,
организаторы производства, а, в лучшем случае, —
«хорошие ученики», твердо запомнившие, что их де-
ло — слушать да исполнять.

Сим.

Что делать комсомольцам в фабзавуче.

Отличаются ли комсомольцы от беспартийных фабзайцев?

В школах фабзавуча Москвы в среднем 50% комсомольцев. В отдельных отраслях промышленности и отдельных школах процент комсомольцев повышается до 80 и даже 90%, т.-е. в некоторых школах почти все ученики комсомольцы. Естественно возникает вопрос: чувствуется ли влияние комсомольцев в школах фабзавуча, отличаются ли чем-нибудь комсомольцы от остальной массы? Приходится ответить, что влияние комсомольцев довольно слабо (за исключением некоторых школ). В большинстве школ комсомольцы по отношению к школе мало чем отличаются от остальных ребят. Лишь изредка отдельные комсомольцы «затевают бузу» по тому или иному вопросу, уж очень больному для фабзайцев, как, например, сокращение учебного плана или устранение неподходящего заведующего или преподавателя. Такие случаи инициативы ребят бывают, но дело ограни-

чивается большей частью тем, что добившись своего (а добиться этого сравнительно нетрудно), комсомольцы успокаиваются надолго, и школьная жизнь течет попрежнему без их участия и влияния.

В большинстве школ, даже в таких «конфликтах» не проявляется самостоятельность и инициатива комсомольцев. Наоборот, наиболее активные и сознательные из них занимаются общественной работой вне школы, а в школьных делах не принимают участия, отрываясь от школы даже в ущерб своим занятиям. Нагрузка их всякого рода обязанностями так велика, что работать в школе для них невыносимо. Рядовые же комсомольцы занимаются в общем не хуже и не лучше рядовых факультетов и, помимо выполнения школьных заданий, никаких отношений со школой не имеют.

Почему лозунг: „комсомолец — примерный ученик“ не правилен и на практике провалился.

Выкинули было комсомольские организации лозунг: «комсомолец — примерный ученик», но он не имел успеха, точно также как и другие подобные лозунги: «комсомолец не пьет, не ругается»; «не курящий комсомолец — пример».

Очевидно, дело не в подобных заповедях, а в чем то другом.

— Как—скажут некоторые—ты против того, что комсомольцы должны быть примерными учениками?! Ты против того, чтобы комсомольцы на собственном,

живом примере показали, как надо относиться к своим обязанностям в нашем Советском Государстве? Если комсомольцы не будут примерными учениками, примерными рабочими, кто же тогда поверит их агитации? и т. д. и т. д.

Мы говорим, прежде всего, о том, что сколько ни пиши инструкций, «правил внутреннего распорядка» в школе—все равно комсомолец будет, как и все остальные, отлынивать, от работы и стекла бить и так далее. Почему? Да потому, что он в таком возрасте находится, когда глупости сам бог велел делать, а во-вторых, школа фабзавуча пока еще так плохо организована: преподаватели преподают сухо, не знают производства, в мастерских не хватает оборудования и т. д., что лучшие, наиболее энергичные, активные и бойкие ребята ясно видят все недостатки преподавания, не хотят выполнять глупой работы и быть «примерными дураками».

Например, в одной московской школе фабзавуча преподаватель заставил ребят читать доклад «об имени существительном». Во многих школах фзу ребят заставляют делать сотнями и тысячами какую-нибудь деталь: гайки, втулки и т. п. Неужели комсомолец, как примерный ученик, должен безропотно все это проделывать и думать, что эти недостатки кто то исправит, а его дело — учиться и выполнять приказание учителей и инструкторов. Из такого комсомольца не коммунист выйдет, а чиновник.

Настоящий комсомолец должен начать борьбу с такими явлениями, хотя бы это отразилось на его

успехах, а не ждать, что кто-то эти недостатки исправит.

«Комсомолец—примерный ученик»—неправильный лозунг, так как совершенно не говорит, что сами комсомольцы в первую очередь должны строить школу, бороться с ее недостатками, объединять в этой борьбе вокруг себя беспартийную молодежь. Это неправильный лозунг еще и потому, что комсомолец не может интересоваться прежде всего своими личными успехами в занятиях, не может тратить свои силы на то, чтобы самому добиться личного успеха, забыв о товарищах.

В школах фзу очень часты случаи, когда фабзаяц не занимается потому, что работает по вечерам и ночью, чтобы поддержать семью (например, по проводке электричества) и так устает, что на уроках спит. Понятно, что такой парень посылает «примерного ученика» к черту. Дело комсомольца в этом случае помочь такому фабзайцу, даже если бы эта помощь отразилась на его собственных успехах, а не заниматься проповедью:

— Вот смотри, как я хорошо работаю!

Таким образом, примерный комсомолец должен думать сначала о других, а потом о себе, а не наоборот, хотя бы его успехи при этом страдали. Примерный комсомолец должен отличаться от других фабзайцев не тем, что он примерный ученик, а тем, что он везде и всегда учится коммунизму—в том числе и фабзаву-

че. А лозунг: «комсомолец—примерный ученик» воспитывает не коммунистов, а карьеристов.

Как комсомольцу учиться коммунизму в школе фабзавуча?

Но что значит — учиться коммунизму в фабзавуче?

Быть может, комсомольцы должны внимательнее, чем беспартийные относиться к урокам обществоведения? Безусловно, обществоведение очень важно для комсомольца, но, ведь, нельзя ограничиваться одними коммунистическими брошюрами и книжками. Ясно, что этого мало, и коммунистическое воспитание одним обществоведением не ограничивается.

Что еще делать комсомольцам, если они в фабзавуче хотят учиться коммунизму и этим отличаться от беспартийных ребят? Остается один ответ: комсомольцы должны учиться на практике строить свою школу, бороться с ее недостатками, бороться за то, чтобы фабзавуч действительно готовил сознательных рабочих, рабочих—коммунистов.

В этой борьбе комсомольцы должны учиться организовывать и объединять остальных фабзайцев; тогда выйдя из школы, они сумеют организовывать и объединять рабочих.

Но, ведь, есть заведующие, инструктора, преподаватели, которым платят за то, чтобы они руководили и управляли школой. Зачем комсомольцам лезть не в

свое дело и своими действиями срывать работу администрации?

Первый грех фабзавуча в настоящее время состоит именно в том, что почти вся школьная жизнь строится не фабзайцами, а заведующими, инструкторами, преподавателями. Сами ребята не умеют и не учатся организовывать свою школу — они лишь пользуются тем, что для них создают другие. Такие фабзайцы, в будущем, выйдя из школы, будут относиться к заводу, предприятию, не как хозяева, а как наемники, которым в сущности все равно как и чем живет предприятие—лишь бы им было хорошо.

В школе фабзавуча ребятам задания преподносят сверху, сами они не разбираются, почему их учат тому, а не другому, так, а не этак—отсюда отношение к занятиям, как к повинности.

Их мнения о преподавателях не спрашивают, а, между тем, некоторые преподаватели не на месте и фабзайцы много о них могли бы сказать. Преподаватели и заведующие держатся очень часто, как начальство, требуют повиновения и дисциплины. Им принадлежит право судить об успехах ученика, их оценка имеет большое значение при определении разряда фабзайца. От этого получается и материальная зависимость фабзайца от заведующего школой или преподавателя, голос которого имеет вес в педагогическом совете. Есть школы, где на этой почве развивается подхалимство учеников, заискивание их перед администрацией и т. д.

Комсомольцы в фабзавуче должны задать себе вопрос: нормально ли такое положение, когда ребята не

понимают, зачем им нужно учиться и смотрят на учебу как на обузу?

Нормально ли, что заведующие и преподаватели приказывают, а ученики должны им беспрекословно повиноваться?

Коммунистическое воспитание, или какое-либо другое получают фабзайцы, когда они заискивают перед администрацией, чтобы повысить разряд?

Правильно ли то, что фабзайцам нет дела друг до друга и за свои успехи или неудачи в занятиях фабзаяц отвечает только перед преподавателем?

Выйдут ли сознательные рабочие из фабзайцев, если школа строится без всякого их участия, исключительно заботами завшколой, инструкторов и педагогов?

Таких вопросов можно поставить много: например, вопрос о дисциплине, который кое-где стоит достаточно остро.

Фабзайцы относятся небрежно к занятиям очень часто потому, что школьная учеба слишком суха, не связана с практикой, преподаватели не заинтересованы в деле и т. д. и т. д.

Кто должен устранить эти недостатки?

Надеяться на заведующего нельзя, потому что, даже при хорошем заведующем, дело будет идти плохо, если сами ученики не заинтересованы в школе.

Опять таки инициатива должна принадлежать комсомольцам, как наиболее сознательной части молодежи.

Производственное обучение очень часто поставлено слабо, ведется без плана, без программы, превращается в эксплуатацию ребят. Обычно делами учебной мастерской вершит заведующий ею или инструктор, а ученики лишь выполняют их задания.

Комсомольцы должны поработать и здесь, помня, что ученики фабзавуча через 2—3 года должны будут участвовать в производственных совещаниях, работать в завкомах и т. д., что надо приучать их сознательно относиться к производству уже в то время, когда они находятся в школе.

Комсомольцы в фабзавуче должны понять, что без участия ребят можно построить более или менее показательную внешне школу (с хорошим помещением, оборудованием и т. д.), но сознательных рабочих такая школа выпускать не будет. На комсомольцев, если они только настоящие, а не бумажные комсомольцы, ложится тяжесть вовлечения всех фабзайцев в строительство школы. Если комсомольцы за это возьмутся, они на практике своей школы, своей борьбы и работы научатся быть коммунистами, а школы фабзавуча действительно будут выпускать сознательных рабочих.

Чего должны добиваться комсомольцы?

Итак, комсомольцы в фабзавуче будут действительно учиться коммунизму, если они поведут работу по строительству своей школы и втягиванию всех учеников в школьную жизнь и работу.

Примерным комсомольцем будет, следовательно, тот, кто более настойчиво, самоотверженно, умело будет работать в этой области.

Примерный комсомолец в школе фабзавуча—первый строитель школы, первый борец за нее.

Но за что бороться? Чего добиваться?

Ясно, что бороться нужно за то, чтобы школа выпускала не исполнителей, а людей, способных проявить собственную инициативу, умеющих самостоятельно организовать свою работу и работу своих товарищей. Будущая работа фабзайца потребует от него умения работать не из-под палки, а сознательно, проявляя собственную инициативу. В каждой работе он должен будет нести ответственность перед товарищами и уметь втягивать в порученную ему работу остальную массу. Короче говоря—каждый фабзайц будет общественным работником и к этой работе он должен привыкнуть еще в школе. Следовательно, школа фабзавуча должна быть построена, как организация, в которой равными правами пользуются ученики, учителя, инструктора и администрация.

Первая задача: вовлечение всех фабзайцев в строительство школы, начиная с предметных комиссий и кончая учебной мастерской.

Второй задачей комсомольцев—является установление связи между школой и предприятием и жизнью вообще.

В настоящее время школа фабзавуча часто находится, по выражению одного рабочего—участника су-

да на школой фзу в Зам. трам. парке—«за кирпичной стеной» от рабочих.

В школе что-то делают, чему то учат, а рабочие очень редко знают, что там творится; от этого получается непонимание задач школы фабзавуча, недоверчивое и насмешливое отношение к ученикам. В свою очередь фабзайцы иногда даже не ходят на рабочие собрания.

Комсомольцы должны сблизить школу с рабочими завода, и их организациями. Комсомольцы должны отстаивать взгляд, что фабзайцы учатся не для вузов, не для карьеры, а для работы в своем предприятии и коммунистического строительства, а потому должны участвовать в жизни и борьбе рабочих, еще будучи в школе.

Что должны делать комсомольцы по организации теоретического обучения?

Как ведется классная работа в фабзавуче?—Вырабатываются краткосрочные планы работы по каждому предмету на один-два месяца. Преподаватель, в соответствии с этим планом ведет свою работу: объясняет, спрашивает, разъясняет,—а ученики должны разъясненное запомнить и выполнить ряд работ.

В предметных комиссиях формально фабзайцы имеют своих представителей, но делать им там в настоящее время почти нечего, так как юни, прежде всего, не понимают, о чем преподаватели говорят. Это вполне понятно: педагоги для краткости употребляют

иностранные слова, научные термины, в которых фабзайцы абсолютно ничего не понимают. На этот счет появилась даже карриатура в «Молодом Ленинце». Получается нелепое положение: ученик три-четыре года работает над вопросами не им поставленными, которыми он часто не интересуется, так как они никакого отношения к его работе и жизни не имеют. Планы педагогов остаются неизвестными фабзайцам (формальное представительство в предметных комиссиях в счет не идет), на уроках же они очень редко объясняют ребятам для чего нужна та или иная работа. Фабзаяц не знает, чем он будет заниматься завтра, послезавтра. В результате, можно сказать, что наших учеников тащат к знанию задом наперед.

Более нелепой организации, не приучающей работать, а отталкивающей от работы—не придумать.

Такая постановка дела ведет к тому, что ребята превращаются в людей, умеющих работать только из под палки и по указке других.

Как же изменить это положение?

Прежде всего необходимо добиться введения Дальтон-плана. Распространяться о том, что это за штука, мы здесь не будем, так как об этом много писали в «Молодом Ленинце». Нужно отметить только то, что Дальтон-план дает возможность каждому работать, а не только сидеть и хлопать ушами в классе. Помимо этого Дальтон-план (при свободном расписании) позволяет ребятам распределять свое время и силы, объединяться в группы с товарищами для выполнения ка-

кой-нибудь работы, проявлять собственную инициативу в занятиях любимым предметом и т. д. Поэтому комсомольцы в фабзавуче должны добиваться введения Дальтон-плана, так как он способствует воспитанию рабочего, умеющего распорядиться своим и чужим временем и организовать свою работу.

Школьная работа при Дальтон-плане разбивается на отдельные задания, которые записываются на бумаге и раздаются всем ученикам. Комсомольцы должны добиться того, чтобы преподаватель не у себя дома, а в классе намечал план следующего задания, совместно с учениками. Это необходимо сделать, если мы хотим, чтобы ученики сознательно относились к делу, а не тащились за педагогами. Замечания, предложения, поправки учеников при обсуждении плана работы должны быть приняты во внимание. Комсомольцам необходимо втянуть в обсуждение плана работы побольше ребят и поддержать дельные мысли; при такой постановке дела, каждый будет сознавать, что он делает и отношение к работе будет иное.

Очень хорошо будет, если фабзайцы сами выдвинут те вопросы, которые они хотели бы разрешить. У ребят есть много вопросов, на которые они сами ответить не могут; комсомольцы должны выявлять такие запросы ребят, включать их в задания и добиваться на них ответа в школьной работе. Пусть эти вопросы, не совпадают с программой—не беда: разрешая вопросы, поставленные самостоятельно, фабзайцы по-

лучат больше пользы, чем решая вопросы, поставленные другими, и тем окупится отступление от программы.

В самые задания, в преподавание, комсомольцам нужно внести больше связи с жизнью предприятия и рабочих. Нужно ставить темы и вопросы, например, о быте рабочих или самих учеников; о накладных расходах предприятия, о возможной механизации работ; об оборудовании учебной мастерской и заводских цехов; о работе заводских организаций: кооперативов, столовых и т. д. В работе над такими темами ребята действительно изучат жизнь своего завода и своих близких, осознают, что в ней хорошо, что плохо и, таким образом, теория, т.-е. школьные занятия, поможет им в строительстве новой жизни. Если фабзайцы в результате такой работы придут к полезным выводам, нужно эти выводы сообщить завкому, культкомиссии, заводоуправлению, делегатскому собранию рабочих или ячейке РКП.

Школа фабзавуча, т.-е. группы учеников ее, вполне могла бы брать на себя несложные работы: сообщение о каком-либо вопросе на производственном совещании, доклад о значении революционного праздника в клубе, подбор книг для юных пионеров, читка газет в рабочих казармах и т. д. и т. п. Конечно, подобную работу пришлось бы проделывать во внешкольное время, но в часы школьных занятий можно было бы подготовиться к таким докладам и т. д., включая эту подготовку в обычные задания.

Выполняя такую общественно-полезную работу, школа фабзавуча осуществила бы мысль Ленина: «Мы не верили бы учению, воспитанию и образованию, если бы оно было загнано только в школы и оторвано от бурной жизни... Она (т.-е. наша школа) должна за то время, пока люди в ней учатся, сделать из них участников борьбы за освобождение от эксплуататоров».

Вот почему комсомольцы должны добиваться, чтобы преподавание в фабзавуче было самым тесным образом связано с окружающей жизнью и борьбой.

В одиночку подобные жизненные задания выполнить нельзя. Всякое обследование и изучение жизни завода и т. д. должно проводиться группами. Следует стремиться к тому, чтобы разделить работу между несколькими группами учеников, которые затем обменялись бы добытыми результатами и т. п. Конечно, в каждой группе все должны работать добросовестно, не вваливая всей работы на одного. В настоящее время все организации страдают от неправильного разделения работы: одни надрываются под тяжестью вваленных на них обязанностей, другие только порхают, ничего не делая. Комсомольцы должны учиться и учить других уже в школе правильно распределять труд и работать организованно.

Организованная таким образом работа, имела бы большое значение в деле воспитания чувства ответственности перед товарищами. В настоящее время ученик, не выполнивший работы, ответственен только перед преподавателем и завшколой. Другим товари-

щам дела нет, выполнил ли он работу, хорошо или плохо он учится и т. д.

Такое положение вредно, потому что фабзаяц, как сознательный рабочий, должен чувствовать свою ответственность прежде всего перед своими товарищами. Когда все выполняют работу таким порядком, то не зависят друг от друга. Конечно взаимной ответственности добиться трудно. Поэтому комсомольцы, опять-таки, должны добиваться разделения работы между группами так, чтобы ребята в каждой группе и группы между собой отвечали бы за свою работу друг перед другом. Полезно для этого устраивать соревнования между отдельными группами одной и той-же школы или даже между разными школами, давая им одинаковые темы.

Комсомольцы одного района, но разных школ вполне могли бы, собравшись на конференцию, выработать какой-нибудь вопрос для проработки его во всех школах района, с назначением премии школе, лучше всех выполнившей работу.

Допустим, что выработали тему: «Быт рабочих нашего района» или: «Как работают наши заводские клубы». Если бы школ пять проделали такую работу, каждая на своем заводе, то соединив все работы, мы бы получили очень поучительную картину быта рабочих или жизни районных клубов, за которую профсоюзы и партия сказали бы нам только спасибо.

Безусловно, такая работа принесла бы большую пользу и фабзайцам, возбудив в них чувство коллективного соревнования и взаимной ответственности.

К чему должны стремиться комсомольцы в производственном обучении?

В производственном обучении комсомольцы должны стремиться к тем же целям.

Они должны бороться за такую постановку дела, которая помогла бы воспитанию сознательных рабочих, а не только слепых исполнителей приказаний инструкторов, мастеров и инженеров.

Что же нужно сознательному фабзайцу для этого знать, кроме своей специальности? Он должен быть знаком с организацией работы в своей учебной мастерской, с ее производственной программой, системой прохождения заказов, сырья и т. д.

Конкретно, если фабзайцы работают в учебной мастерской, они должны участвовать в обсуждении производственной программы в своей мастерской и ознакомиться с ее оборудованием. Полезно организовать «Техническое Бюро» из инструкторов и фабзайцев, посылаемых для работы в этом бюро по очереди, которое ведало бы распределением работы, вело учет ее, организовало бы правильную выдачу инструмента, следило за исправностью станков, контролировало выполнение работ и т. д. К обсуждению мероприятий этого бюро нужно привлекать всех работающих в мастерской. На таких собраниях не вредно было бы ставить отчеты инструкторов, подобно тому, как на производственных совещаниях спецы отчитываются перед рабочими.

Для комсомольцев здесь работы по горло, самой настоящей коммунистической работы.

Если ребята разбросаны по цехам, трудно указать, что можно сделать в указанном направлении. Вероятно, опыт показал бы, что кое-что можно сделать даже там.

О том, что делают наши учкомы и о том, что они должны делать.

В настоящее время комсомольцы работают в учкомах, старостатах и других органах самоуправления в фабзавуче.

Делают ли они то, что нужно, т.-е. ставят ли дело так, чтобы из ребят вышли сознательные рабочие-коммунисты?

Большей частью работа в учкомах ведется неправильно. Заняты они, главным образом, внешкольной работой: изданием стенной газеты, организацией различных кружков и т. д. Правда, на этой работе деятельность ребят развивается, и стенная газета—вещь очень хорошая, но все же внешкольная работа превращается слишком часто в самоцель, вне связи с общей задачей коммунистического воспитания ребят.

Небольшой пример пояснит это. В одной школе фабзавуча заведующий решил исключить фабзайца за отлынивание от занятий и хулиганство, но для того, чтобы не портить отношений с ребятами, соответствующим образом с'агитировал учком (до того усиленно занимавшийся внешкольной работой) так, что инициатива исключения исходила как бы от учкома.

Парень запротестовал; начали разбираться, в чем дело, и случайно обнаружили, что фабзаяц, не работавший и хулиганивший в школе, был примерным членом правления районного клуба в течение года и работал там, не покладая рук.

Этот пример показывает, как учком увлекшись внешкольной работой, упустил из виду важные вопросы жизни школы, не интересовался плохим отношением ребят к ней, не старался изменить это отношение работой.

Сейчас нередки случаи, когда учком издаёт прекрасную стенную газету и налаживает тысячу один кружок (струнный, духовой, драматический, политграммоты и т. п.), а в школе и мастерской воспитывают не коммунистов, а чиновников и хулиганов; ребята не занимаются, а вольняют; преподаватели принимают начальственный тон и т. д., и т. п. Бывает и так, что учком берет в свои руки налаживание дисциплины и превращается в палку... которой очень умело пользуется заведующий. Ссориться с ребятами заведующему неудобно и беспокойно: гораздо выгоднее действовать через ребят же, тем более, что своя палка бьет больнее.

В результате учком теряет авторитет, а ребята хулиганят еще больше.

Иногда учком или старостат берется за школьные дела. Ему поручают... раздачу тетрадей, карандашей, ручек. Учкомцы или старосты ведут списки отсутствующих и т. п. В то же время такие вопросы, как введение Дальтон-плана решается помимо ребят.

И все это называется «самоуправлением».

Надо решительно покончить с таким положением. Учкомы, старостаты и т. п. находятся в руках комсомольцев, и комсомольцы должны в бирюльки и в политфанты не играть и палкой для заведующих не служить, а приняться за более скучную, быть может, сначала, работу по переустройству школы и налаживанию в ней коммунистического воспитания.

Комсомольцы в учкомах должны быть ядром фабзайцев, которое спланировало бы и организовывало ребят. Комсомольцы должны терпеливо раз'яснять недостатки школы, указывать, как и что надо изменить, проводить решения ребят в жизнь и т. д. Опыт такой работы, настоящей коммунистической работы, крайне ничтожен, но даже отдельные крупницы показывают ясно, что вполне можно заинтересовать ребят борьбой за улучшение школы, и что сами фабзайцы могут сказать много дельного про свои дела.

Мы приведем небольшой пример: Хамовнический райком РКСМ провел весной этого года собрания по группам во всех школах фабзавуча своего района для обсуждения вопросов, связанных с Дальтон-планом. Говорили, главным образом, о всякого рода недостатках в преподавании. Вот краткий перечень выдвинутых фабзайцами предложений:

- 1) Изменить расписание так, чтобы на один предмет приходилось большее количество часов в один день и держать курс на свободное расписание.

2) От теории ткачества и переплетения тканей освободить столяров и монтеров.

3) Не давать заданий на дом.

4) Ввести учет работы.

5) По политграмоте (обществоведению) итти по программе.

6) Поставить на бюро ячейки вопрос о ребятах, сильно занятых общественной работой.

7) Закупить побольше учебных пособий.

В другой группе:

8) Перед каждым заданием преподаватель должен указать план работы.

9) Уменьшить задания и увеличить срок.

10) Допустить свободные группировки при выполнении заданий.

В другой школе:

11) Давать по математике больше задач и меньше примеров.

12) По русскому языку — больше заданий на устную речь.

13) Читать по гигиене курс анатомии, а не только социальной гигиены.

14) Побольше опытов по физике.

15) Переменить по обществоведению книгу Тюмеева на другие и вообще ввести большее разнообразие в выбор книг.

16) Увеличить число часов на географию и природоведение.

Пусть некоторые из этих предложений спорны или неосуществимы в данных условиях; важно то, что ре-

бята могут много сказать по вопросам педагогическим и методическим, т.-е. по тем вопросам, где они, казалось бы, ничего не смыслят.

Опыт Хамовнического района ценен тем, что показывает, с чего надо начинать работу учкому. Прежде всего, следует, чтобы ребята уяснили сами недостатки школы. Недостатки резче всего бросаются в глаза и на них легче всего привлечь ребят к обсуждению школьных дел. А затем надо развернуть работу, все шире и шире захватывая основные вопросы школьной жизни.

Начав с подобных групповых собраний, комсомольцы, работающие в учкоме, должны будут не ограничиваться мелкими улучшениями, а поставить перед ребятами в упор вопрос об основных причинах подобных недостатков. В данном случае таких причин было две: отсутствие свободного расписания и неучастие самих ребят в выработке заданий. Нужно об'яснить это ребятам в выработке заданий. Нужно об'яснить это ребятам, сходить с ними в такую школу, где дело поставлено лучше, показать на практике других школ, как там идет работа. Добившись ясного понимания и сочувствия ребят (а для этого нужно провести кропотливую работу не на одном собрании, а на нескольких, и поговорить с ребятами отдельно) следует провести свои предложения на школьном совете, поставив дело так, чтобы как можно большее число ребят на нем присутствовало. Не следует увлекаться «протаскиванием» своих предложений через школьный совет —

это, сравнительно, не трудно (особенно — если нажать), а надо позаботиться о том, чтобы как можно больше фабзайцев в школе действительно понимали и поддерживали эти предложения. Добившись, например, введения Дальтон-плана, нужно двигаться дальше, поднять кампанию за участие ребят в выработке заданий или за то, чтобы эти задания были связаны с заводской жизнью. При этом надо стараться поддержать ребят, заинтересовавшихся делом, надо стремиться, чтобы каждый фабзаяц взял на себя какую-либо работу по школе или мастерской и т. д.

Очень полезно поставить отчет преподавателя или инструктора на групповом собрании или на собрании в мастерской, выяснить недостатки его работы и дать ряд предложений. Нужно только следить, чтобы критика фабзайцев была вполне товарищеская, без лишней резкости и т. п. Время от времени надо ставить на общем собрании учеников доклад заведующего школой об итогах работы и дальнейших планах. Повестку дня школьного совета нужно прорабатывать заранее самим фабзайцам, в важных случаях ставя вопросы на предварительное обсуждение комсомольцев школы или общего собрания. Школьные советы надо почаще делать совместными со всеми учениками школы — это опять-таки поможет вовлечению ребят в школьную жизнь.

В общем, надо стремиться к постепенному переходу от нынешнего положения — когда ребят учат, к такому — когда они сами будут учиться, т.-е. когда про-

граммы, планы и отдельные задания будут намечаться педагогами вместе с ребятами, составляться из вопросов, интересующих самих ребят и ими поставленных.

Комсомольцы должны поддерживать такие запросы ребят, обычно связанные с их жизнью и жизнью их близких. Комсомольцы должны будут влиять на преподавателей через школьный совет и другие органы в том отношении, чтобы они брали темы близкие к жизни предприятия и завода. Постепенно надо расширять интересы ребят, заинтересовать их вопросами более широкого масштаба из жизни не только завода, но и СССР и других стран. Это будет также настоящей коммунистической работой комсомольцев. Подобный совместный выбор работы нужно делать не в предметных комиссиях, где на одного фабзайца — три педагога, а на собраниях групп или работающих в каком-либо кабинете или мастерской.

Опыт введения Дальтон-плана показал, что интерес к работе повышается, вопрос о дисциплине исчезает, так как ребята сами охотно работают.

Если ребята будут решать вопросы ими же поставленные, то, безусловно, надобность в особых дисциплинарных мерах и т. д. делается еще более слабой. Во всяком случае необходимо, чтобы все дисциплинарные вопросы решались администрацией не отдельно, а, опять-таки, совместно с ребятами. Комсомольцы должны помнить, что не так важно наказать «виновного», как предупредить повторение «вины» (хулиганство и т. п.). Поэтому вопросы о важных проступках надо ставить на обсуждение

ребят не для того, чтобы они выдумали какое-либо сверхнаказание и тем избавили бы заведующего от неприятной обязанности, а для того, чтобы все ученики могли разобраться в причинах «преступления» и внести предложение не о наказании (это — второе дело), а о том, как исправить школьные недостатки, из-за которых совершен проступок.

Каждую такую «историю» надо использовать для агитации среди ребят, для исправления и улучшения постановки дела в школе.

О „самоуправлении“ в школе фабзавуча.

Говорить о том, что в фабзавуче у нас самоуправление, с точки зрения комсомола — глупо.

В самом деле за школу фабзавуча боролся, главным образом, комсомол; благодаря комсомольцам, фабзавуч стал на ноги. Комсомол и теперь, несмотря на некоторый отход союза от работы фабзавуча, оказывает влияние на жизнь школы. В своей работе комсомол отражает взгляды, желания, потребности рабочей молодежи, при чем в фабзавуче комсомольцев 50%.

Что же может означать слово «самоуправление» при таких условиях?

Только одно, что фабзайцы сами управляют или должны сами управлять школой.

Но это нелепо, так как школами фабзавуча должны управлять и управляют органы народного образования и назначенные ими лица. Значит комсомольцы и во-

обще фабзайцы сами управляют, не школой, а чем то другим.

Чем же?

Вот тут-то собака зарыта. Оказывается, что фактически фабзайцы сами управляют, главным образом, внешкольной работой, затем — распределением тетрадей, добыванием билетов в театры и т. п. «весьма важными» делами. А в управлении школой они принимают весьма небольшое участие: планы работы принимаются фактически без них; методы преподавания обсуждаются без них; в учебной мастерской дают работы по выбору инструктора; расписание устанавливают без учеников; уроки педагоги ведут, с фабзайцами не советуясь и т. д.

Фабзайцы учатся и только; как им это учение нравится их не спрашивают, благо фабзаяц вылететь с завода не очень располжен.

Какое же это «самоуправление»? «Самоуправление» — только вывеска и ширма, которой некоторые заведующие весьма искусно пользуются, чтобы свалить с себя лишние хлопоты и неприятности.

Словечко «самоуправление» досталось нам от либеральной педагогики и фактически служит для обмана ребят, так как управляют школой без ребят, делая это сознательно или безсознательно.

В фабзавуче много «хороших» заведующих, которые сами все делают, мечтают, бьются, как рыба об лед, достают, изворачиваются, и т. д. Сил своих они не жалеют, а в результате получается все-таки не то, что нужно. Ребята

у таких заведующих развращаются. Одни превращаются в покорных исполнителей, другие входят во вкус: требования их все повышаются, заведующим они не довольны; им надо, чтобы все было «вынь, да положь». То и другое одинаково скверно, и такие заведующие, не доверяя силам фабзайцев, бессознательно их портят. Другие сознательно превращают «самоуправление» в свое орудие и подсобный орган. Это еще опаснее, так как затемняет у комсомольцев сознание той правильной линии, которую они должны вести и внушает им убеждение, что он действительно что то делают.

Какая же линия должна быть у комсомольцев в организационных вопросах? Должны ли они «захватить власть», или удовлетвориться тем «самоуправлением», какое создалось в настоящее время в фабзавуче?

И то и другое не правильно. Организационная линия комсомольцев должна соответствовать задачам их комсомольской работы в фабзавуче. Задачи эти состоят в максимальном привлечении фабзайцев к жизни школы, в максимальном развитии их самостоятельности на опыте строительства школы. Поэтому в теоретическом обучении комсомольцы борются за Дальтон-план; за совместное составление заданий; за связь теоретических занятий с жизнью предприятия и рабочего класса в целом; за связь в работе (сотрудничество) учеников, групп и отдельных школ друг с другом; за взаимную товарищескую ответственность; за участие ребят в обсуждении планов и программ преподавания.

В производственном обучении—комсомольцы борются за участие фабзайцев в организации мастерской, в составлении программы, в выборе, распределении и контроле работ и т. д.

Следовательно, организации учеников (учкомы, старостаты), руководимые комсомольцами, борются всюду за участие самих ребят в организации жизни и управления школой. Поэтому правилен лозунг: не «самое управление», а «соуправление» школой.

Соуправление — совместное управление. Комсомольцы, участвуя в управлении школой, должны осуществлять на деле, в практическом строительстве школы, задачи коммунистического воспитания.

Организационно соуправление осуществляется через учкомы, старостаты, т. е. не вносит никакой ломки в существующий порядок. По существу лозунг «соуправление» единственно правильный. Он ясно и решительно указывает организационную линию, которую комсомольцы должны вести в фабзавуче: не к управлению школой должны стремиться комсомольцы, а к тому, чтобы школа управлялась при наибольшем сочувствии, содействии и участии всех фабзайцев. В этом залог их правильного коммунистического воспитания.

Об отношении к администрации, к педагогам и инструкторам.

Помимо комсомольцев в фабзавуче есть заведующие, педагоги, инструктора. Эта группа работников играет

в настоящее время решающую роль в школе. Поэтому комсомольцам чрезвычайно важно знать их взгляды на то, чему и как надо учить фабзайцев, чтобы изменить эти взгляды в правильном направлении.

Администрацию, педагогов и инструкторов можно разделить на три части. Первая незначительная часть (она состоит, главным образом, из инженеров-производственников) полагает, что в фабзавуче слишком многому учат, что главное достоинство рабочего состоит в знании своего ремесла. Роли самостоятельности самой молодежи они не понимают, являются сторонниками «твердой дисциплины» и послушания. Это люди — старой закалки. Рабочий, по их мнению, должен слушаться мастера, мастер — инженера, инженер — директора и только. То, что красным директором сейчас является тот же рабочий, они, в приложении к фабзавучу, еще не поняли.

Затем идет большинство педагогов и заведующих. Это большинство сознает, что из фабзавуча устраивать ремесленную школу старого времени нельзя, что фабзаяц в будущем будет не только исполнителем, но и организатором производства. Некоторые из этой группы впадают в другую крайность и превращают фабзавуч и подготовительную школу для ВТУЗ'ов, гордясь тем, что выпускают красных техников и т. д. Ошибку эту они делают оттого, что для них все еще непонятно, как рабочий может организовывать производство. Они знают, что фабзайцы — будущие организаторы производства и поэтому хотят из них сделать... инженеров. Эти тоже не поняли кое-чего в Со-

ветской России — именно то, что, помимо красного директора, Советской власти нужен красный рабочий и какую роль будет играть этот рабочий.

Если во взглядах на задачи фабзавуча у большинства все же есть правильная линия, то по вопросу о роли комсомола в школе, о значении самостоятельности ребят — большинство недалеко ушло от первой группы. Большинство все еще представляет себе школу фабзавуча, как учреждение, в котором заведующий — глава; ему подчинены педагоги и инструктора; педагогам и инструкторам подчинены ученики. Дело первых — учить, вторых — учиться.

Наконец, третья группа — очень немногочисленная, понимает и правильно оценивает не только задачи фабзавуча, но и то положение, что школу фабзавуча надо строить совместно с самой молодежью, привлекая ее ко всем вопросам организации дела, ибо, без этого, коммунистического воспитания никакая педагогика не создаст.

Таковы люди, с которыми комсомольцы будут вместе работать, а иногда и бороться. Ясно, что, прежде всего, надо помнить основное: дело не в том, чтобы «шапками закидать» и «живьем скушать» педагогов. Никакого «спецеодства» не должно быть. Надо, прежде всего, разъяснениями и агитацией перетянуть на свою сторону наиболее передовых педагогов; их знание и опыт использовать, поддерживать их против более отсталой части.

Безусловно, в первое время только одиночки пойдут с комсомольцами. Безусловно, предложение

комсомольцев поставить отчет преподавателя на групповых собраниях фабзайцев вызовет смущение, недоумение, возражения. То же повторится при предложении об участии ребят в выработке заданий. Также недоумение и возражения вызовут предложения комсомольцев разобрать какую-либо тему из жизни завода или рабочих и т. п. Инструктора будут возражать против участия ребят в распределении работы. Заведующие поймут предложения комсомольцев о предварительной проработке повестки дня школьного совета на учкоме, как покушение на свои права. Всем этим смущаться не следует. Эти возражения, недоумения, непонимание: как и зачем мальчишкам вмешиваться в педагогику, — вполне понятны. Было бы странно, если бы их не было. Наоборот, следует остерегаться фальшивых друзей, на все согласных, которые постараются примазаться.

К деловым возражениям следует относиться внимательно и тщательно их взвешивать. На первых порах будет трудно разобраться где дело, где подвох; неизбежны ошибки, по поводу которых будет кое-какое злорадство. Без этого не обойтись и пугаться трудностей нечего.

Надо помнить об одном: без участия фабзайцев — фабзавуча не построить, коммунистического воспитания не создать.

Лучший залог успеха поэтому — связь с ребятами.

Если встретятся трудности, обращайтесь к ним за поддержкой, указанием, советом — они вывезут.

Постепенно накопится опыт. Не будут уже пугать страшные слова. Будут первые успехи. Часть педагогов увидит, кто прав, и начнет помогать своими знаниями и опытом. Дело само покажет верность взятой линии. Дальше — легче. Труден первый шаг. Среди инструкторов поддержки будет больше. Они ближе к ребятам и скорее поймут их. Педагоги-коммунисты явятся верными руководителями.

Так, постепенно, педагоги превратятся в старших товарищей, делящихся своими знаниями и опытом. Заведующие также поймут, что их дело — помогать развитию самостоятельности ребят и уже охотно будут идти навстречу ребятам.

Остается добавить еще одно замечание. Ни в коем случае не нужно комсомольцам брать на себя обязанности заведующего. Он должен делать все, что полагается. Задача комсомольцев не в том, чтобы самим сесть на место зава (это бы только развалило школу), а добиться того, чтобы работа заведующего сделалась общественной, т.-е., чтобы об его планах, успехах и неудачах знала вся школа, чтобы все ученики были заинтересованы в его работе. С другой стороны, нужно бороться за то, чтобы заведующий проводил правильную линию, вырабатывая ее вместе с ребятами, принимал бы во внимание их указания, и т. д.

Наконец, с людьми, совершенно безнадежными, старых взглядов которых не изменить, надо бороться так, чтобы вся масса фабзайцев поняла, почему комсомольцы против того или иного преподавателя или зава. Добиться смены такого человека не трудно, но

надо сделать так, чтобы сменивший его не мог вести старой линии. А для этого нужно раз'яснить фабзайцам, какие недостатки были у преподавателя и почему таких людей в фабзавуче не должно быть.

З а к л ю ч е н и е.

Сознательные комсомольцы должны помнить, что школа фабзавуча является формой коммунистического воспитания рабочей молодежи.

«Воспитание коммунистической молодежи должно состоять не в том, что ей подносят всякие усладительные речи и правила о нравственности. Не в этом состоит воспитание»... «Если бы только изучение коммунизма заключалось в усвоении того, что изложено в коммунистических трудах, книжках и брошюрах, то тогда слишком легко мы могли бы получить коммунистических начетчиков или хвастунов, а это сплошь и рядом приносило бы нам вред и ущерб, так как эти люди, научившись и начитавшись того, что изложено в коммунистических книгах и брошюрах, оказались бы неумеющими соединить все эти знания и не сумели бы действовать так, как того действительно коммунизм требует».

«Без работы, без борьбы книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений ровно ничего не стоит...».

«Перед вами задача строительства, и вы ее можете решить только овладев всем современным знанием, умея превратить коммунизм из готовых, заученных

формул, советов, рецептов, предписаний, программ, в то живое, что объединяет вашу непосредственную работу, превратить коммунизм в руководство для вашей практической работы». (Ленин, «Задачи союзов молодежи», речь на III-ем съезде РКСМ 4/X — 1920 г.).

Эта статья является попыткой указать, в чем должна выражаться практическая работа комсомольцев в фабзавуче.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
1. Предисловие	3
2. * * * . . . <i>С. Биоз</i>	5
3. Как мы боролись за школу. <i>Я. Ильин</i>	7
4. Идет—грядет новый человек. <i>Б. Трейвас</i>	31
5. Чем мы помогли школе. <i>М. Зайцев</i>	36
6. Перелом сделан. <i>Борис</i>	39
7. Из нашей работы. <i>Со</i>	56
8. Добились <i>Вик.</i>	58
9. О „хорошем“ заведующем или почему нам не о чем писать. <i>В. Соркин</i>	60
10. Что должен делать комсомолец в фабзавуче. <i>Сим</i>	76

ЮНОШЕСКИЙ ОТДЕЛ

ИЗДАТЕЛЬСТВА

„НОВАЯ МОСКВА“.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

1. К школе крестьянской молодежи. сост. Трейвас, Краснощеков и Кузнецов. Цена 1 р. 30 к.
2. Работа юных пионеров. Бирбраер. Цена 12 к.
3. Материалы к Губс'езду выпуски: I, II, III.
4. Наше рождение. Истомольский сб. составил Ацаркин и Зверев. Ц. 70 к.
5. Деревенские праздники.
 1. Троицын день. Цена 25 к.
 2. Петров день. Цена 20 к.
 3. Ивана-Купала. Цена 20 к.
6. Комсомол в деревне. Цена 40 к.
7. Мюнценберг и Шиллер. История юнош. движения на западе.

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ: Кузнецкий мост,
№ 1.

Из-во „НОВАЯ МОСКВА“.

Юношеский Отдел МКРКСМ.

С 1 января с. г. вышло 70 книг по комсомольской работе, юнош. и детскому движению, образованию, работе в деревне, беллетристике, ленинизму и прочее.

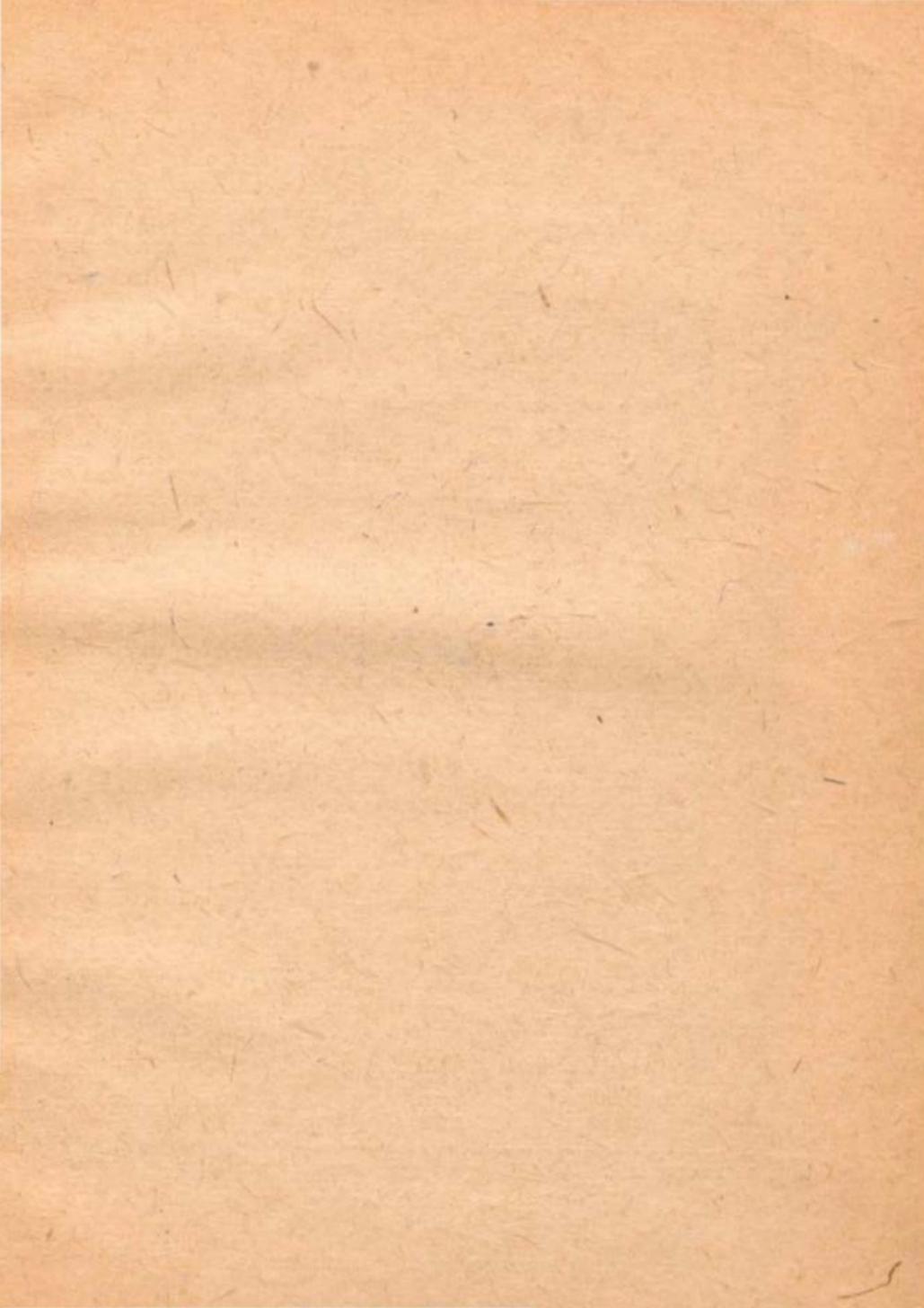
В печати находятся и готовятся серии: по политобразованию, с.-х. комсомольской работе, клубной, по науке и технике, по марксизму (для актива), по половому вопросу, по естествознанию, по юношескому движению, „по фабрикам и заводам“, по рев. романтике, беллетристике, по антирелигиозной пропаганде, по истории РКП (б), по детскому движению и детскому образованию, учебники для Ф. З. У.

В частности к Губс'езду выпущено:

1. 3 выпуска по деревенским праздникам (Троицын день, Петров день и Ивана Купала).
2. К школе крестьянской молодежи.
3. Бирбраер. — Работа пионеров.
4. 3 выпуска материалов и тезисов к 8 губс'езду.
5. Борьба за фабзауч.
6. Старая и Молодая гвардия едины.
7. Бухарин. — Работа среди молодежи (доклад и революция).
8. Комсомол в деревне.
9. Наше Рождение. — Ацаркин и Зверев.
10. В окрестностях Москвы (экскурсии).
11. „Наша Работа“. № 6.
12. Ярославский. — Ильич и молодежь, и другие.

Членам РКСМ на все книжки „Библиотеки рабоче-крестьянской молодежи“ 30% скидки.

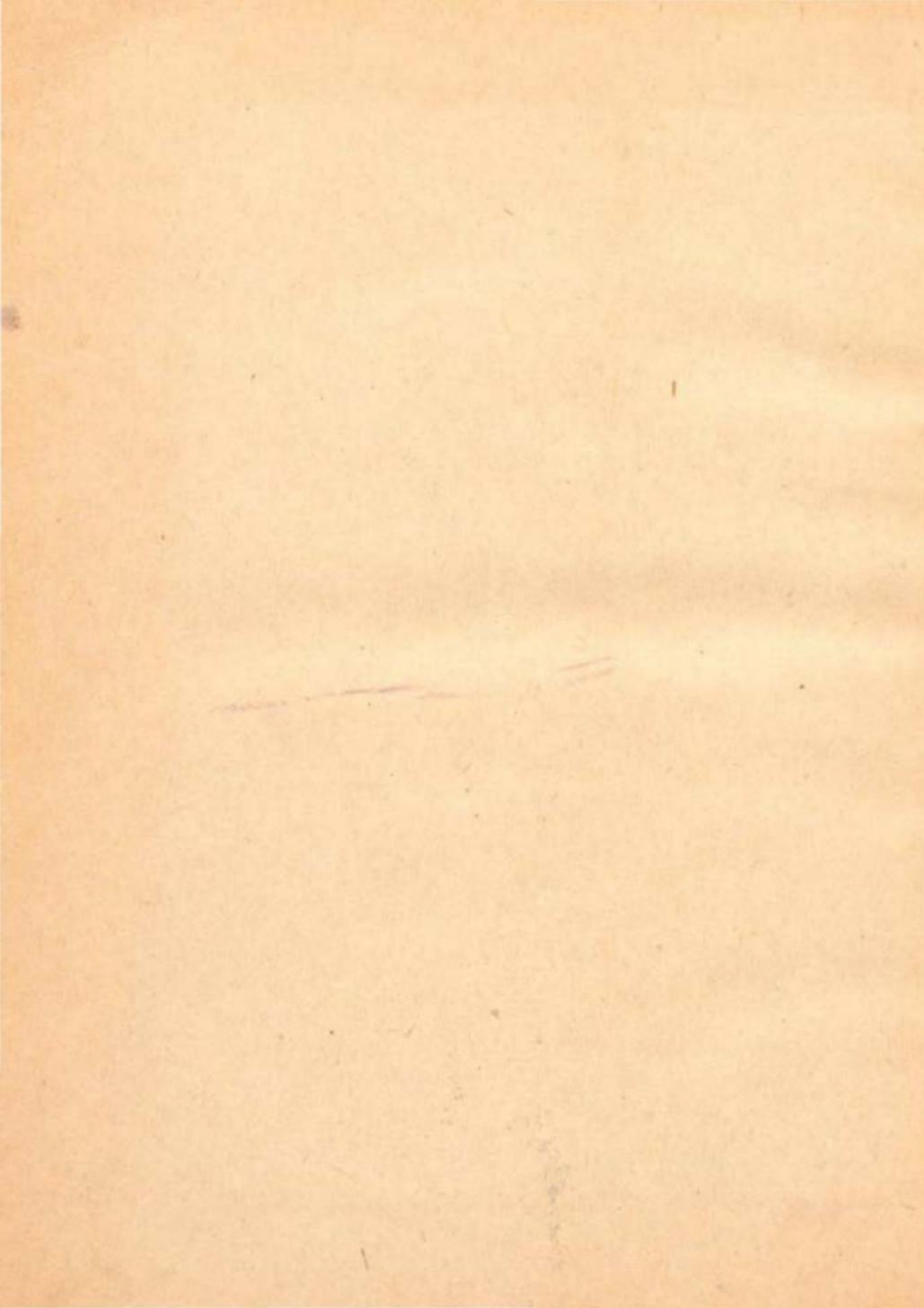
Ячейкам кредит до 6 месяцев.

05540

Цена 30 коп.

2011096588